Виктор Губарев

ТОРТУГА

История старейшей пиратской базы Карибского моря (1492–1694 гг.)

Виктор Губарев

Тортуга. История старейшей пиратской базы Карибского моря (1492—1694 гг.)

«Издательские решения»

Губарев В.

Тортуга. История старейшей пиратской базы Карибского моря (1492—1694 гг.) / В. Губарев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837887-4

Предлагаемая вниманию читателей книга является первым в Восточной Европе исследованием истории самой знаменитой пиратской базы Карибского моря — острова Тортуга. Открытый экспедицией Х. Колумба в 1492 году, остров долгое время был пристанищем пиратов.Книга написана на основе редких испанских, английских, французских и голландских источников и может быть интересна не только профессиональным историкам, но и широкому кругу читателей, увлеченных романтикой морских приключений.

ISBN 978-5-44-837887-4

© Губарев В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Остров, открытый Колумбом 6
Глава 2. Возникновение карибского очага пиратства 11
Глава 3. Первые колонисты Тортуги 16
Глава 4. «Остров Ассоциации» 22
Глава 5. Дело капитана Ньюмена 26
Глава 6. Томас Литтлтон против братьев Хилтонов 28
Глава 7. Нападение испанцев 30
Глава 8. Годы запустения и тревог 35
Глава 9. Легенда о Питере Уиллисе 39
Глава 10. Захват Тортуги гугенотом Левассёром 41
Глава 11. Губернатор-деспот 49
Глава 12. Мальтийский рыцарь – правитель Тортуги 54
Глава 13. Кабальеро против шевалье 58
Глава 14. Последний вояж шевалье де Фонтенэ 63
Глава 15. Уход испанцев с Тортуги и появление там Элиаса Уоттса 65
Глава 16. Поход на Сантьяго-де-лос-Кабальерос 67
Глава 17. Метаморфозы сьёра дю Россе 70
Глава 18. Набег на Сантьяго-де-Кубу 76
Глава 19. Попытка захвата Тортуги англичанами 80
Конец ознакомительного фрагмента. 82

Тортуга
История старейшей пиратской базы Карибского моря (1492—1694 гг.)

Виктор Губарев

© Виктор Губарев, 2017

ISBN 978-5-4483-7887-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предлагаемая вниманию читателей книга является первым в Восточной Европе исследованием истории самой знаменитой пиратской базы Карибского моря – острова Тортуга. Открытый экспедицией Христофора Колумба в 1492 году, остров в течение длительного времени был пристанищем контрабандистов, пиратов и корсаров. Его выгодное стратегическое положение обусловило повышенный интерес к нему ведущих морских держав Западной Европы – Испании, Англии и Франции. На протяжении нескольких десятилетий они вели между собой кровавую борьбу за обладание Тортугой.

Книга написана на основе редких испанских, английских, французских и голландских источников и может быть интересна не только профессиональным историкам, но и широкому кругу читателей, увлеченных романтикой морских приключений.

Первое издание вышло в свет в 2011 году под названием «Пираты острова Тортуга». В настоящее издание автором внесен целый ряд исправлений и дополнений.

Глава 1. Остров, открытый Колумбом

На географических картах Карибского региона, среди россыпи Больших и Малых Антильских островов, не так-то легко отыскать скромный клочок суши, название которого – Тортуга[1] – вошло, тем не менее, во всемирную историю. Подобной чести остров удостоился благодаря морским разбойникам – флибустьерам, превратившим его в одну из крупнейших пиратских баз Вест-Индии и всего Западного полушария.

Расположенный примерно в десяти километрах к северу от Гаити, недалеко от входа в Наветренный пролив, остров Тортуга вытянулся с востока на запад на 37,5 километра, имеет ширину до семи километров и площадь около 300 квадратных километров. С точки зрения геологического строения, он представляет собой известковое плато со средними высотами от двухсот до трехсот метров; наивысшая точка – Морн-Монд – расположена на высоте 464 метра. Рек на острове нет, родников и ручьев мало. Поэтому в колониальную эпоху жителям нередко приходилось запасаться дождевой водой, без которой они рисковали умереть от жажды.

Корабельный хирург А. О. Эксквемелин, побывавший на острове во второй половине XVII века, в своей знаменитой книге «Пираты Америки»[2] отмечал: «Он лежит на 20°30» северной широты и имеет в окружности около шестнадцати миль… Весь остров в скалах. На нем везде большие деревья, которые растут прямо среди камней; земли там почти нет, и их корням деваться некуда. Северная часть острова необитаема и очень неприветлива, там нет ни гавани, ни отмелей, разве что небольшие площадки между утесами. Поэтому заселена лишь южная часть острова, где есть гавань и куда могут приставать корабли… Гавань хорошая, она защищена от рифов, и к ней ведут два прохода. На дне тонкий песок. В нее могут заходить и семидесятипушечные корабли».

Заметим, впрочем, что и на северном побережье Тортуги – на так называемом Железном берегу – есть небольшая бухточка Трезор, где лодки могут приставать к берегу в тихую погоду. Что касается южной стороны, то во времена флибустьеров здесь использовались две автономные гавани – одна, более крупная, служила портом для селения Бастер, который испанцы называли Пуэрто-дель-Рей (Королевский порт); вторая, расположенная примерно в двух километрах к западу от рейда Бастера, находилась напротив селения Кайон и могла принимать только небольшие суда. Главный проход на якорную стоянку Бастера лежит между двумя песчаными банками, из которых более крупная тянется в восточном направлении, к мысу Масон. Этот проход называют Гран-Пас, его ширина составляет порядка 150 метров. Второй проход, лежащий западнее, расположен между отмелью и побережьем острова и именуется Пти-Пас; он имеет ширину около 75 метров. Во время прилива обе банки покрываются водой, а при отливе обнажаются на входе. Создавая определенные трудности для судоходства, отмели, в то же время, способствуют защите гавани Бастера от волн, идущих из пролива, который отделяет Тортугу от северного побережья Гаити.

При доминирующих восточных и северо-восточных ветрах суда водоизмещением до 100 тонн могли входить на рейд Бастера через Гран-Пас, а выходить – через Пти-Пас. Согласно анонимному мемуару, датируемому примерно 1663 годом, этот рейд имел 700700 метров длины и 400 метров ширины; он мог вместить до двадцати пяти небольших кораблей и столько же барок.

Растительный мир острова когда-то отличался многообразием. На террасах между утесами и по склонам холмов росли сосны, пальмы, красный, белый и желтый сандал, папайя

[1] Мы используем здесь традиционное – испанское – название острова. Его современное французское название – Тортю.

[2] Впервые книга была издана в Амстердаме в 1678 году на голландском языке.

(дынное дерево) и различные виды кустарника. Как и в других районах Вест-Индии, на плодородных равнинах здесь выращивали сахарный тростник, табак, ананасы, маниок (кассаву), арбузы, ямс[3], батат[4], иньям[5], карасоль[6], маммей («абрикос из Сен-Доменга»[7]), горох, фасоль и много иных полезных плодов, на которые так щедры тропики.

Шарль де Рошфор в своей «Естественной и духовной истории Антильских островов Америки» (1658) сообщает, что в 40-х годах XVII века на Тортуге росло огромное дерево, которое европейцы окрестили «индийской смоковницей»: «Все, кто бывал на острове Тортуга, расположенном у северного побережья Эспаньолы (Гаити. – В.Г.), могли видеть у дороги, идущей по равнине из Ла-Монтаня в поселок, называемый французами Мильплантаж, одно из этих деревьев, которое может легко укрыть в тени своих ветвей, всегда густо покрытых листьями, две сотни людей».

В отличие от флоры, фауна острова всегда была бедной и представлена в основном дикими свиньями, собаками, летучими мышами, змеями, ящерицами и крысами; на берегах моря и стекавших с холмов речушек можно было встретить крабов и черепах.

Поскольку остров лежит в тропической зоне, средняя годовая температура на нем колеблется между 25º и 26º тепла. Самым «прохладным» месяцем считается январь: в это время температура опускается в среднем до 23º С. Большую часть года остров находится во власти северо-восточного пассата, и только в период с августа по октябрь здесь преобладают переменные ветры. В декабре и январе зачастую дуют северные ветры (норды), сопровождающиеся значительным охлаждением воздуха и затяжными дождями. В пору затишья пассата наступает сезон ураганов. Зародившись в районе Барбадоса, а иногда и на берегах Африки, ураганы стремительно несутся в западном направлении – в сторону Мексиканского залива и Флориды, после чего поворачивают на север и северо-восток. Два дождливых сезона приходятся на апрель-май и октябрь-январь, сухие сезоны – на февраль-март и июль-август.

Впервые европейцы познакомились с Тортугой во время первой экспедиции в Новый Свет великого генуэзского мореплавателя Христофора Колумба. О том, как это произошло, дает представление копия «Дневника первого путешествия», составленная в середине XVI века испанским монахом-летописцем Бартоломе де Лас Касасом:

«*Четверг, 6 декабря* [1492 г.]. На рассвете адмирал находился в четырех лигах от бухты, которую он назвал «Бухтой Марии». В направлении на юг, четверть к юго-западу, виден был красивый мыс, который он назвал «мысом Звезды» (Cabo de Estrella) … На востоке, милях в 40, показалась другая земля – видимо, небольшой остров. В 54 милях на восток, четверть к юго-востоку, виднелся очень красивый мыс, названный адмиралом «Слоновым» (Cabo de Elefante). Еще один мыс, которому было присвоено наименование мыса Синкин, лежал на востоко-юго-востоке в 28 милях от кораблей.

На юго-востоке берег прерывался; возможно, то была река, и казалось, что в милях 20 от этого места, между мысами Слоновым и Синкин, открывался широчайший проход. Некоторые моряки различали на его противоположной стороне нечто вроде острова, который адмирал назвал «Тортуга» (Черепаха)».

---

[3] Растение, клубни которого используют в пищу.

[4] Вид клубнеплодных растений рода *Ипомея* семейства *Вьюнковые*. Другое название – сладкий картофель.

[5] Разновидность ямса.

[6] Принадлежит к растениям, близким к магнолиевым; дает плоды грушевидной формы, с ароматной мякотью.

[7] Сен-Доменг – французское название острова Эспаньола (ныне Гаити).

Христофор Колумб. Неизвестный художник.

В последующие дни в дневнике Колумба появилось еще несколько записей о Тортуге:

«*Вторник, 11 декабря*. Адмирал не мог выйти из бухты (гавань Зачатия на северном побережье острова Гаити, названого Колумбом Эспаньолой. – В.Г.), так как все еще удерживались северо-восточный и восточный ветры. Как раз против бухты… расположен был остров Тортуга. Он казался очень большим, почти таким же, как Эспаньола. Берег острова Тортуга шел почти в том же направлении, что и берег Эспаньолы, от одного до другого было, может быть, самое большее 10 лиг, считая от мыса Синкин до выступа острова Тортуга, лежащего к северу от Эспаньолы…».

«*Пятница, 14 декабря*. Под ветром, дующим с суши, адмирал вышел из бухты Зачатия, но вскоре ветер стих: подобное он испытывал в этих морях ежедневно. Через некоторое время подул восточный ветер, и адмирал пошел к северо-северо-востоку. Он приблизился к острову Тортуга и приметил мыс, названный им мысом Ноги (Punta Pierna) и расположенный в 12 милях к востоко-северо-востоку от западной оконечности острова. Отсюда он увидел другой мыс в том же направлении… которому он дал имя Острый мыс (Punta Aguda), и оттуда он увидел еще один мыс, который назвал мысом Копья (Punta Lançada).

От западной оконечности Тортуги до Острого мыса было 44 мили, или 11 лиг, и берег все время шел к востоко-северо-востоку. На пути встречались значительные песчаные пляжи. Тортуга высокий, но не гористый остров. Этот остров очень красив и населен точно так же густо, как Эспаньола. Земли везде на нем возделанные и напоминают они долину Кордовы».

Французский писатель Жорж Блон в своей научно-популярной книге «История флибустьерства» (в русском переводе – «Флибустьерское море») выразил сомнение в том, что в момент открытия Тортуги экспедицией Колумба этот небольшой остров имел многочисленное индейское население:

«Никто не упоминает, был ли этот остров обитаем во времена, когда его заметил Колумб; вполне возможно, какие-то индейцы жили там, без особых трудов добывая себе пропитание благодаря поразительно плодородной почве и обильным дарам океана».

В действительности, как видно из записи от 14 декабря 1492 года, остров был «населен точно так же густо, как Эспаньола».

Приведем еще одну любопытную запись из копии дневника Колумба, выполненной Лас Касасом:

«*Понедельник, 17 декабря*. Всю ночь дул сильный востоко-северо-восточный ветер. На море, однако, не было значительного волнения, потому что с севера эти воды защищает и ограждает остров Тортуга, и пролив между ними и Эспаньолой превращается в убежище (…)

Адмирал говорит: «После полудня пришло сюда с острова Тортуга каноэ, и на нем было, по крайней мере, сорок человек. И когда каноэ приблизилось к берегу, все жители селения, собравшиеся в одном месте, подали знак мира. Почти все прибывшие в каноэ вышли на берег. К ним подошел один только касик и обратился к ним с речью, которая казалась угрожающей, и заставил всех, кто высадился, вернуться в каноэ. Затем он стал плескать в них водой и бросать в море камни, и, когда индейцы с острова Тортуга покорно сели в каноэ и отплыли прочь, касик взял камень, вложил его в руку моему альгвасилу[8] и попросил его кинуть этот камень вслед уходящему каноэ… Альгвасил не пожелал бросить камня».

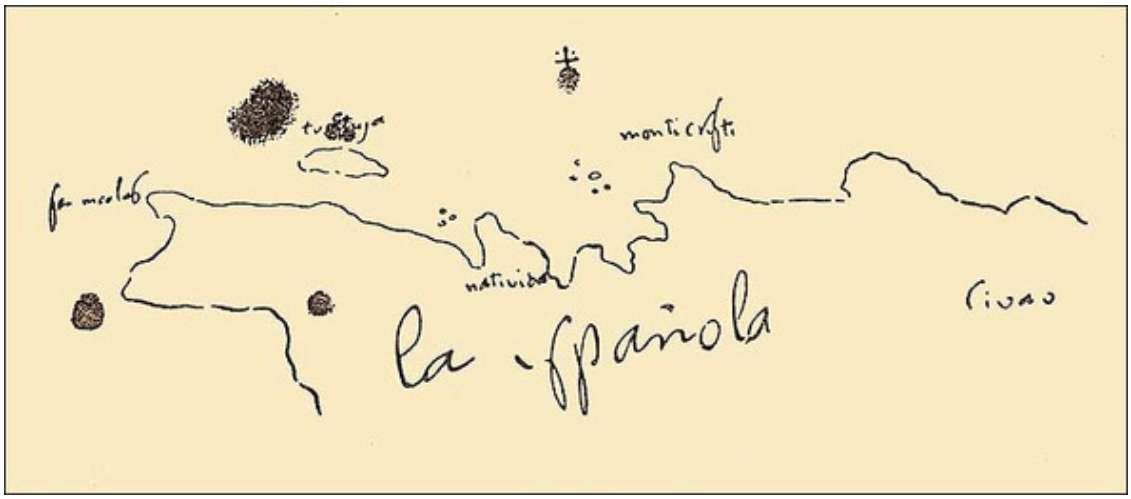
Так касик хотел показать свое расположение к адмиралу. Каноэ тотчас же ушло, а затем индейцы рассказывали адмиралу, что на острове Тортуга больше золота, чем на Эспаньоле, потому что он ближе расположен к Банеке. Адмирал предположил, что ни на Эспаньоле, ни на Тортуге нет золотых рудников, и что золото доставляется сюда, вероятно, с острова Банеке…».

Из дневника Колумба видно, что в год открытия Америки (1492) Тортуга была, во-первых, густо населенным, а во-вторых, плодородным островом. Однако уже в первой четверти XVI века из-за частых набегов испанских работорговцев, охотившихся здесь за туземцами с целью продажи их на прииски и плантации Эспаньолы, Кубы и Пуэрто-Рико, индейское население Тортуги резко сократилось, а затем и вовсе исчезло. Наверно, остров так и остался бы необитаемым, если бы не привлек к себе внимание колониальных соперников Испании – контрабандистов и пиратов из Франции, Англии и Голландии. Их визиты во второй половине XVI – первой четверти XVII века позволили европейцам собрать необходимую информацию о Тортуге и подготовили благоприятные условия для основания там колонии, превратившейся затем в надежное убежище для флибустьеров[9] и корсаров[10] Карибского моря.

[8] *Альгвасил* – младшее должностное лицо, ответственное за выполнение приказов суда и трибуналов; полицейский.

[9] *Флибустьеры* – пираты, обитавшие в 1630—1700 годах на Антильских островах и грабившие в основном испанские корабли и поселения в Вест-Индии.

[10] *Корсары* – частные лица, имевшие корсарские лицензии (каперские свидетельства) на право грабежа вражеских кораблей и прибрежных поселений. Голландцы называли их *каперами*, а англичане – *приватирами*.



Первое изображение острова Тортуга на карте Х. Колумба. Эскиз 1493 года.

Глава 2. Возникновение карибского очага пиратства

Успех экспедиций Колумба, выразившийся в открытии «Западных Индий», положил начало испанской колонизации островов Карибского моря, а также Южной, Центральной и Северной Америки. Одновременно с испанцами отысканием новых земель и морских путей в страны Востока занимались португальские мореходы. Чтобы избежать вражды и предотвратить столкновения между испанцами и португальцами, римский папа Александр VI Борджиа в 1493 году издал четыре *буллы*, которые определили *линию раздела мира* на два зоны господства – испанскую и португальскую. Эта «линия дружбы» проходила западнее островов Зеленого Мыса, причем все земли и моря, расположенные к западу от нее, объявлялись собственностью Испании, а расположенные к востоку – собственностью Португалии.

7 июня 1494 года между королями Испании и Португалии был заключен Тордесильясский договор о разделе мира, в котором говорилось:

«Высокие договаривающиеся стороны… условились и согласились во избежание сомнений и споров относительно островов и земель, уже открытых или тех, которые будут открыты в море-океане, чтобы была проведена прямая линия от полюса до полюса… с севера на юг, в 350 лигах к западу от островов Зеленого Мыса… и чтобы все, что у же открыто или будет открыто королем Португалии или его кораблями, будь то острова или материки к востоку от этой линии и внутри ее на севере и на юге, принадлежало названному сеньору – королю Португалии и его преемникам на веки вечные и чтобы все острова и материки как открытые, так и те, что будут открыты королем и королевой Кастилии и Арагона или их кораблями к западу от названной линии, на севере и на юге, принадлежали означенным сеньорам – королю и королеве и их преемникам на веки вечные».

Хотя указанный договор формально просуществовал до 1777 года, морские соперники Испании – Англия, Франция и Голландия – отказались его признать, и уже в XVI века моря и земли Нового Света превратились в арену ожесточенной колониальной борьбы между сильнейшими морскими державами Западной Европы.

Почему же именно Вест-Индия стала главным «яблоком раздора» между упомянутыми державами?

Объяснялось это целым рядом причин. Во-первых, из-за особенностей географического положения Карибский регион занимает выгодное положение на путях из Европы в Америку и обратно. Поток золота, серебра, драгоценных камней и колониальных товаров, хлынувший в XVI веке из испанских колоний в метрополию, проходил через этот регион. Товары из Испании и рабы из Африки тоже сначала шли в Вест-Индию, а через нее – в Южную, Центральную и Северную Америку. Таким образом, острова Антильского архипелага представляли собой исключительно удобные перевалочные пункты, которые в военное время могли служить базами для нанесения ударов по морским и сухопутным коммуникациям противника.

Кроме того, природные особенности Вест-Индии позволяли выращивать здесь табак, сахарный тростник, хлопок, какао и другие продукты, высоко ценившиеся на европейских рынках. Отсюда вывозили соль, ценные породы древесины, шкуры, индиго[11], коше-

[11] *Индиго* – растение семейства бобовые, вид рода индигофера, происходящее из Индии и культивируемое во многих тропических странах ради получения синей краски.

ниль[12], ваниль, сарсапарель[13], жемчуг, серую амбру. Естественно, что эти богатства региона не могли не привлечь к себе внимание соперников Испании.

Наконец, уже в XVI веке Большие Антиллы и колонии на Мейне[14] стали интересовать европейцев как потребитель африканских рабов, ввоз которых был вызван дефицитом рабочих рук, необходимых на золотых и серебряных рудниках Вест-Индии, Новой Испании (Мексики) и Перу, а также на плантациях и *ранчериях* – жемчужных фермах. Этот дефицит явился результатом уничтожения конкистадорами и массового вымирания от болезней коренного индейского населения.

В то время как испанские колонизаторы занимались ограблением природных богатств Америки, а также наживались за счет эксплуатации труда зависимых от них индейцев и африканских невольников, соперники Испании на первых порах прибегали к иным методам колониальной экспансии – прежде всего, пиратству, каперству (корсарству, приватирству) и контрабандной торговле. Этому в значительной мере способствовала жесткая политика испанской короны в отношении ее американских колоний и иностранных предпринимателей, стремившихся проникнуть за демаркационную линию 1494 года.

Юридически носителем верховной власти в колониях Нового Света являлся король Испании. Высшими органами колониального управления были Торговая палата (Casa de contratacion), учрежденная в 1503 года в Севилье, и Верховный королевский Совет по делам Индий (Consejo de Indias), созданный в 1511 года в Мадриде. Совет по делам Индий управлял колониальными органами в Америке, а также Торговой палатой, монополизировавшей торговый обмен, переписку и навигацию между метрополией и колониями. Торговая палата требовала, чтобы ни один порт в Америке не поддерживал связей с иностранцами. Нарушителей ожидала смертная казнь и конфискация имущества. Монополия позволила сосредоточить всю торговлю с Вест-Индией в руках немногочисленной группы севильских купцов, которые наживались на разнице между американскими и европейскими ценами.

Основные усилия испанские колонизаторы направляли на поиски и добычу золота и серебра. Подсчитано, что с 1503 по 1660 год из Америки в Испанию было ввезено драгоценных металлов на сумму 447 820 932 песо. Этот сказочный поток богатств порождал паразитизм господствующей верхушки испанского общества, способствовал упадку национальной промышленности, а затем и всей хозяйственной жизни страны. Поскольку промышленность Испании оказалась неспособной удовлетворять возраставший спрос населения колоний на промышленные товары (а в самой Америке развитие ремесел и мануфактур тормозилось монополией Торговой палаты), широкое распространение получила контрабандная торговля с иностранными купцами и корсарами. Последние продавали колонистам качественные английские, французские и голландские товары в большом ассортименте и по более низким ценам. Там, где иностранным «рыцарям удачи» не удавалось продать свои товары, они не гнушались откровенным разбоем, грабя испанские корабли и прибрежные поселения в Новом Свете.

Первые удары по испанским морским коммуникациям и колониям в Карибском регионе нанесла Франция, которая всю первую половину XVI века воевала с Испанией из-за итальянских земель. В годы правления Франциска I (1515—1547) французские корсары, не довольствуясь нападениями на испанские суда в европейских водах, осуществили целый ряд дерзких нападений на испанцев в Вест-Индии. Королевской казне пришлось потратить

---

[12] *Кошениль* – вид насекомых из отряда полужесткокрылых, из самок которых добывают вещество, используемое для получения красного красителя – кармина.

[13] *Сарсапарель* (сассапариль) – род растений семейства лилейных (иногда выделяют в особое семейство смилаксовых), используется в медицине.

[14] *Мейн* – то же самое, что и материк, континент. *Испанским Мейном* называли материковые владения Испании в Америке.

немалые деньги на защиту испанских владений в Карибском регионе. Была организована система береговой охраны и начато строительство фортов и оборонительных стен на островах и материке. Запретив в 1526 году своим судам в одиночку пересекать Атлантику, испанские власти в 1537 году окончательно перешли на систему *конвоев* – так называемых «серебряных флотов», которые состояли из нескольких десятков торговых судов, охраняемых военными галеонами. Королевский декрет от 18 октября 1564 года обязывал ежегодно отправлять в Вест-Индию два «серебряных флота»: флот Новой Испании, поддерживавший связь с Мексикой, и «галеоны Тьерра-Фирме» («Континентальные галеоны»), следовавшие в Картахену (порт в Новой Гранаде) и к Панамскому перешейку (изначально – в гавань Номбре-де-Дьос, а с конца XVI века – в Пуэрто-Бельо).

Когда реформационные идеи Лютера и Кальвина распространились в приморских городах Франции (в основном среди бюргерства и части дворянства), многие заморские предприятия французов стали проходить под лозунгами борьбы протестантизма с католицизмом. Но религиозные мотивы, в конечном счете, были приспособлены к экономическим и политическим интересам, остававшимся главными движителями французской заморской экспансии.

Изучив секретные карты Атлантики и Вест-Индии, захваченные на испанских судах, французские корсары в 1536—1538 годах ограбили испанские гавани на Кубе, Эспаньоле, Пуэрто-Рико и в Гондурасе. В 1539 году они разорили Гавану, а в 1540 году опустошили гавани на побережье острова Пуэрто-Рико. Между 1541 и 1546 годами французы ограбили остров Кюрасао, затем подвергли грабежу города Маракайбо, Санта-Марту и Картахену в Южной Америке, разорили *ранчерии* на острове Кубагуа (Венесуэла) и в Рио-де-ла-Аче (совр. Риоача в Колумбии) и несколько поселений на Больших Антильских островах.

Последний всплеск активности французских корсаров в Вест-Индии пришелся на 1552—1559 годы. Весной 1553 года 10 французских кораблей под командованием капитана Франсуа Леклерка (известного по кличке Деревянная Нога) разграбили испанские гавани на островах Пуэрто-Рико и Эспаньола, а летом напали на Канарские острова. Год спустя капитан Жак де Сор, получивший корсарский патент от самого короля Генриха II (1547—1559), разорил Сантьяго-де-Кубу, после чего в июле 1555 года ограбил и сжег Гавану.

Подсчитано, что за период с 1536 по 1568 год французские корсары захватили в Карибском море 152 испанских судна, а в треугольнике между побережьем Испании, Канарскими и Азорскими островами – еще 37 кораблей.

Борьба Франции с Испанией из-за итальянских земель закончилась в апреле 1559 года мирным договором в Като-Камбрези, закрепившим господство испанцев в Италии. Оказавшись перед лицом внутренних конфликтов, французская корона временно отказалась от активного колониального проникновения в Вест-Индию. Однако едва умолкли пушки французских корсарских флотилий, как на смену им пришли новые охотники за удачей – «морские псы» (sea dogs) из Англии.

Отдельные вторжения английских пиратов в Карибский регион, имевшие место в 20—50-е годы XVI века, носили в основном характер разведывательных и контрабандных операций, вслед за которыми в период правления королевы Елизаветы I Тюдор (1558—1603) последовали регулярные антииспанские рейды. Английская корона то тайно, то явно поощряла проникновение своих подданных в американские владения испанского короля, получая за это и политические дивиденды, и определенную часть пиратской добычи. Именно в это время просторы морей пенили корабли таких «рыцарей абордажного топора», как Джон Хокинс, Фрэнсис Дрейк, Уолтер Рэли, Томас Кавендиш, Ричард Гренвилл, Эмиас Престон, граф Камберленд, Кристофер Ньюпорт, Уильям Паркер и пр. Жалуясь на невиданный ранее наплыв иностранных корсаров в воды Карибского моря, власти Рио-де-ла-Ачи в 1568 году отмечали, что «на каждые два корабля, прибывающие сюда из Испании, приходится два-

дцать корсарских. По этой причине ни один город на этом побережье не находится в безопасности, ибо они по своей прихоти захватывают и грабят поселения. Они обнаглели до такой степени, что называют себя властителями земли и моря…».

В период открытой англо-испанской морской войны 1585—1603 годов корсары (в англоязычной литературе – приватиры) ежегодно доставляли в британские порты от 100 тыс. до 200 тыс. ф. ст. добычи. Прибыль от антииспанских экспедиций в среднем равнялась 60% на вложенный капитал. Если взять за среднегодовой показатель 150 тыс. ф. ст., то получится, что за восемнадцать лет морской войны приватиры доставили на родину 2,7 млн. ф. ст. По данным американского историка У. З. Фостера, в царствование Елизаветы английские пираты и корсары принесли своей стране доход в 12 млн. ф. ст.

В конце XVI века у испанцев в Вест-Индии появился еще один опасный соперник в лице республики Соединенных провинций Нидерландов. Победоносная буржуазная революция на севере страны и последующая Война за независимость (1566—1609) завершились освобождением Голландии и прочих северных провинций от господства феодальной Испании. Быстрое развитие капитализма и строительство самого большого в Европе флота позволили голландским предпринимателям включиться в колониальную экспансию, причем в Вест-Индии она долгое время осуществлялась теми же военно-пиратскими методами, которые ранее уже апробировались французами и англичанами. Пик активности голландцев в бассейне Карибского моря пришелся на 1621—1648 годы. В это время, действуя от имени Нидерландской Вест-Индской компании (ВИК), голландские каперы развернули настоящую охоту за галеонами «серебряного флота».

Основанная в июне 1621 году, ВИК получила от правительства хартию, которая предоставляла ей 24-летнюю монополию на мореплавание и торговлю в Африке и Америке. Компания имела право заключать сделки и договора от имени Генеральных Штатов (высшего законодательного органа республики), строить форты, назначать губернаторов и командиров экспедиций, нанимать солдат и моряков. Она состояла из пяти палат, представлявших Амстердам, Зеландию (Мидделбурх), Маас (Роттердам), Северный район (города Западной Фризии), а также Гронинген и Фрисландию. Каждая палата имела своих директоров, назначаемых провинциальными штатами и городскими советами. От всех делегатов избиралось правление компании в составе 18 директоров. Девятнадцатым членом были Генеральные Штаты. Получившие название «Господа XIX», эти директора действовали с разрешения правительства и отчитывались перед ним.

Основные функции ВИК состояли в ведении каперской войны против Испании и ее колоний и осуществлении торгово-колонизационной политики в границах, установленных хартией от 3 июня 1621 года. «Господа XIX» разработали так называемый «Великий проект», осуществление которого должно было подорвать силы Испании за счет систематического террора в Вест-Индии, захвата прибрежных районов Бразилии и невольничьего рынка в Африке. По подсчетам директоров ВИК, за период с 1621 по 1636 год компания снарядила и отправила в Америку 806 кораблей и 67 тыс. человек, истратив на это 5 млн. гульденов[15]. За это же время ее каперы захватили в Атлантике 547 испанских и португальских судов стоимостью 6 млн. 710 тыс. гульденов. Продажа их грузов в метрополии принесла 30 млн. гульденов дохода.

Среди голландских каперов наибольшую славу приобрели Баудевэйн Хендриксзоон, Питер Хёйн, Корнелис Йол (как и француз Леклерк, он имел экзотическое прозвище Деревянная Нога), Питер Ита, Ян Янсзоон ван Хоорн, Адриан Патер и Виллем Блауфелт.

[15] Устаревшая денежная единица Нидерландов (чеканились как золотые, так и серебряные монеты). Прообразом гульдена был золотой флорин.

В конце 1627 года директорами ВИК был разработан план нападения на «серебряный флот», а в 1628 году Питер Хёйн, получив под свое командование 31 судно, блестяще осуществил его захват у северных берегов Кубы. Сокровища, взятые голландцами, оценивались в 11,5 млн. гульденов. Нетрудно догадаться, что отдельные пираты, лишенные солидной материальной поддержки со стороны метрополии, не могли даже мечтать о таком богатом призе.

Итак, к моменту появления в Карибии многонациональных флибустьерских сообществ там уже сформировался мощный очаг морского разбоя, представленный как классическим пиратством, так и каперством. Джентльмены удачи, рыскавшие в регионе в поисках добычи, безусловно, нуждались в долговременной базе. Такой базой для них и станет остров Тортуга.

Карибское море на карте Питера ван дер Аа (1659—1733).

Глава 3. Первые колонисты Тортуги

После того, как в XVI веке испанские конкистадоры частично уничтожили, а частично вывезли индейское население Тортуги на «большую землю» (то есть на Эспаньолу), туда время от времени наведывались испанские рыбаки с Больших Антильских островов, а также французские, английские и голландские контрабандисты и пираты.

В 1582 году у северного побережья Эспаньолы появилось французское судно «Лион», отправившееся из Гавра сначала в Африку, на реку Сенегал, а затем в Вест-Индию. Экипаж этого судна занимался контрабандной скупкой шкур, когда на горизонте неожиданно появились две испанские сторожевые галеры, посланные из Санто-Доминго. С криками «Да здравствует король!» испанцы стремительно атаковали французов и после короткой стычки захватили некоторых из них в плен. Те, кому посчастливилось унести ноги, укрылись на Тортуге, где провели несколько тревожных недель. В конце концов, их подобрал другой французский корабль, сам факт появления которого наводит на мысль о возможности достаточно частых посещений тех мест противниками Испании.

Год спустя две дюжины пленных французов, которые использовались в качестве гребцов на сторожевой галере в Санто-Доминго, смогли каким-то чудом освободиться от цепей и, перебив охрану, сбежать на Тортугу.

Город Санто-Доминго на гравюре XVII века.

Желая положить конец нелегальным сделкам испанских колонистов с заезжими иностранными авантюристами, разгневанный король Испании распорядился переселить всех жителей северного и западного побережья Эспаньолы на южный берег. Приказ был принят к исполнению губернатором и президентом *аудиенсии* Санто-Доминго доном Антонио Осорио в августе 1605 года. Следствием предпринятых им драконовских мер стало запустение таких некогда цветущих гаваней, как Пуэрто-Плата, Байаха, Ла-Ягуана (будущий Леоган) и Монте-Кристи. Часть испанских контрабандистов и охотников (белых, метисов, негров и мулатов), не желая мириться с произволом властей, взбунтовалась и в 1606—1607 годах перебралась на Кубу и на Тортугу, где продолжала сбывать иностранцам копченое мясо и шкуры. Ежегодно контрабандной торговлей в этом регионе занимались от 25 до 30 иностранных кораблей, причем большинство из них (не менее 20) принадлежало голландцам.

После 1610 года голландцы, французы и англичане стали использовать гавань Тортуги для вывоза с острова ценного красного дерева, именуемого в документах той эпохи

«бразильским деревом». Кроме того, они продолжали охотиться здесь на многочисленных одичавших свиней, из-за чего остров стал известен среди моряков под названием «Острова Свиней». Соль, необходимую для приготовления копченого мяса, они добывали на месте или на мысе Сан-Николас – северо-западной оконечности Эспаньолы, расположенной примерно в 40 милях от побережья Тортуги. Нередко в ее гавани останавливались и пиратские суда. Известными французскими корсарами, посещавшими Эспаньолу и Тортугу между 1610 и 1620 годами, были Ришар Муйен, Жак Аппарок, Жак Ле Льевр, Никола Препен, Пьер Нормандец, Шарль Флёри, Жан де Монтрейль и Жорж де Нагэ де Сен-Жорж.

Сохранились также отрывочные сведения о пребывании в указанном регионе английских пиратов. Так, из письма губернатора Кубы дона Франсиско де Венегаса королю Испании (от 3 августа 1621 года) явствует, что отправленные им в крейсерство два сторожевых галеона захватили на рейде Тортуги английский пиратский фрегат с командой из 25 человек. Всех пленных англичан испанцы повесили за то, что они в течение трех лет разбойничали в окрестных водах.

В 1627 году, посетив остров Сент-Кристофер в группе Наветренных островов, к берегам Тортуги подошел французский 120-тонный корабль «Сен-Пьер» из Гавра. Экипаж его насчитывал 27 человек. Из сохранившихся документов явствует, что целью этого визита была заготовка «бразильского дерева». В 1628 году с аналогичной целью Тортугу посетил французский корабль «Сен-Тома», также приписанный к Гавру. Как и «Сен-Пьер», он пожаловал сюда после предварительного захода на Наветренные острова.

Начало долговременной колонизации Тортуги, датируемое 1629—1630 годами, связано с прибытием туда беженцев с островов Сент-Кристофер и Невис. Первая волна переселенцев состояла из французов, вторая, более внушительная, – из англичан. Последними командовал опытный моряк Энтони Хилтон, который и стал губернатором первого постоянного поселения на Тортуге.

Какими же ветрами занесло Хилтона и его людей на Тортугу?

Уроженец епископства Дарэм, капитан Хилтон весной 1623 года был отправлен купцами города Барнстапл в Северную Америку для скупки мехов у индейцев и исследования реки Гудзон. Следуя обычным кружным путем через Вест-Индию, он достиг Малых Антильских островов и, бросив якорь на Сент-Кристофере, познакомился здесь с капитаном Томасом Уорнером – основателем первой английской колонии в Карибском регионе.

После банкротства компании, финансировавшей экспедицию на Гудзон, Хилтон заключил соглашение с некоторыми ирландскими дельцами, убедив их вложить деньги в освоение колонии на Сент-Кристофере. Прибыв на остров вторично, он приобрел у Уорнера небольшую табачную плантацию, однако извлечь прибыль из этого предприятия не успел – во время набега индейцев-карибов плантация была полностью уничтожена. Счастливо избежав плена, Хилтон купил у губернатора Уорнера новую плантацию, вырастил на ней хороший урожай табака и осенью 1627 года вернулся в Ирландию, где вест-индские товары были выгодно проданы. Тогда же его осенила идея основать собственную колонию на одном из Наветренных островов. Получив финансовую поддержку у лондонского купца Томаса Литтлтона и раздобыв соответствующий патент у графа Карлайла – лорда-собственника Карибских островов, – Хилтон и его компаньоны 22 июля 1628 года высадились на небольшом острове Невис, расположенном к юго-востоку от Сент-Кристофера. Их насчитывалось около ста человек. Вскоре к ним присоединилось еще полсотни колонистов, которые на общем собрании избрали Хилтона своим губернатором.

Остров Невис на французской карте колониального периода.

В конце того же года управлявший Сент-Кристофером капитан Томас Уорнер отплыл в Англию, оставив колонию под присмотром своего сына Эдварда и некоего Аштона – кровного врага Хилтона. Когда последний прибыл по делам на Сент-Кристофер, Аштон попытался с помощью наемного убийцы расправиться с ним и завладеть его имуществом. Но, как сказано в одном из документов, «схватив его за руку, готовую нанести роковой удар, Господь помешал ему». В этот момент в гавань случайно зашло английское судно, и Хилтону посчастливилось спрятаться на его борту.

Вскоре известия о беспорядках на островах достигли Лондона, и граф Карлайл решил подыскать губернатору Невиса замену. Узнав об этом через своих друзей, Хилтон спешно снарядил корабль, набил его трюмы табаком и, оставив своим заместителем капитана Валетта, летом 1629 года отплыл в Англию. Возможно, его попытки подкупить лорда-собственника увенчались бы успехом, если бы свежие новости из Вест-Индии не спутали ему все карты.

7 сентября 1629 года к Невису подошел испанский флот, состоявший из 24 военных галеонов и 15 фрегатов (французский иезуит Шарлевуа приводит иные цифры: 35 больших галеонов и 14 вооруженных торговых судов). Возглавлял эту армаду генерал дон Хуан Фадрике де Толедо. На рейде острова стояли 10 кораблей, которые испанцы тут же объявили пиратскими. Команды кораблей в лихорадочной спешке попытались сняться с якорей и улизнуть, но Фортуна отвернулась от них – спастись удалось только двоим (заметим, что по данным Шарля де ла Ронсьера испанцы захватили у Невиса семь английских судов, а по данным Шарлевуа – лишь четыре, упустив пятое; последнее бежало на Сент-Кристофер под прикрытие пушек форта, которым командовал нормандский корсар Урбэн де Руассей).

Приблизившись к берегу, испанские корабли неожиданно попали под артиллерийский обстрел со стороны небольшого форта, возведенного на мысе Пеликана и вооруженного лишь двумя дряхлыми пушками. В «Рассказе Джона Хилтона, кладовщика и главного пуш-

каря Невиса» сообщается, что английский форт «вел огонь до тех пор, пока имелись ядра и порох». Особенно досталось галеону «Хесус Мария», застрявшему на мели как раз напротив форта. На помощь к нему подоспел капитан Антонио де Окендо, который, став рядом с ним на якорь, высадил на берег десант и заставил английский гарнизон капитулировать.

Колонисты, вручив Джону Хилтону (брату отсутствующего губернатора) белый флаг, отправили его на переговоры с испанским генералом. Дон Фадрике заявил, что, будучи христианином, не желает кровопролития и готов предоставить в распоряжение англичан несколько судов для возвращения их в Европу. Это предложение было с радостью принято, и на следующий день испанский флот, прихватив четырех заложников, отплыл в сторону Сент-Кристофера. Местные плантаторы – и англичане, и их соседи-французы – сдались испанцам на тех же почетных условиях, что и жители Невиса. А те, кто не пожелал сдаться, бежали в лес и на соседние острова.

Нападение армады дона Фадрико де Толедо на острова Невис и Сент-Кристофер. Художник Феликс Кастельо.

Около 80 беглых французов – в основном выходцев из Нормандии, – посетив северное побережье Эспаньолы, решили обосноваться там и на соседней Тортуге. Отрывочные сведения о них содержатся в отчете об экспедиции Филиппа де Ротонди де Каузака, отправленной кардиналом Ришелье на Антильские острова в июне 1629 года. Не имея достаточно сил

для противодействия армаде дона Фадрике, Каузак в конце сентября увел свою небольшую эскадру с Малых Антильских островов в сторону Эспаньолы, к мысу Тибурон. 26 октября он встретил возле мыса Сан-Николас группу французских пиратов, которые признались, что захватили в окрестных водах небольшое испанское судно. Один из кораблей де Каузака зашел на Тортугу, где пополнил запасы питьевой воды, в то время как команды флагманского корабля «Труа Руа» и «Нотр-Дама» 29 октября высадились на соседнем берегу Эспаньолы, в районе Пор-Франсэ, чтобы поохотиться на одичавших быков, коров и свиней.

В начале ноября, когда эскадра стала на якорь в укромной гавани Пор-Марго, моряки повстречали там некоего Жана Крамойе из Гавра. Этот бродяга жил на берегу, «не имея хлеба или иной провизии для своего пропитания». С его слов стало известно, что в тех краях обитала еще одна группа французов, ожидавшая прихода корабля некоего Франсуа Руйяна.

Примерно через два месяца после ухода эскадры де Каузака на Тортуге высадился отряд англичан, которым командовал упоминавшийся выше капитан Энтони Хилтон.

Обанкротившийся в результате уничтожения его плантации и не добившийся нового кредита у своего делового партнера Литтлтона, Хилтон вернулся на остров Невис лишь для того, чтобы собрать таких же нищих, как он, авантюристов и попытаться найти удачу в иных местах. Его знакомство с пиратами различных национальностей помогло ему остановить свой выбор на острове Тортуга, куда он и прибыл в начале 1630 года во главе примерно 150 изгоев. Поскольку англичан было почти в два раза больше, чем французов, они заявили свои права на владение островом и избрали губернатором капитана Хилтона.

Появление на Тортуге поселения иностранцев встревожило испанские власти Санто-Доминго. В середине 1630 года они отправили на северное побережье Эспаньолы разведчиков, которые недалеко от нынешнего Пор-де-Пэ захватили в плен некоего парижанина по имени Даниэль. Сей авантюрист, владевший латинским языком, признался на допросе, что обитает в этих краях уже полгода, и что около 50 его товарищей живут на Тортуге. Он также добавил, что они разделили свою колонию на четыре «квартала» и выращивают там табак, используя труд негров-рабов. Эти негры были оставлены на острове французским капитаном Бараделем, приходившим туда за «бразильским деревом».

Засилье англичан на Тортуге, безусловно, тяготило французских поселенцев. Поэтому они, судя по голландским источникам, решили «уступить» эту колонию Нидерландской Вест-Индской компании.

Указание на попытку французских авантюристов Тортуги продать указанный остров голландцам содержится в ряде документов, в том числе в «Путешествиях из Голландии в Америку» Давида Питерсзоона де Фриса.

Войдя в долю с купцом Самуэлем Годэном и рядом других негоциантов, де Фрис в 1630 году решил принять участие в основании небольшой колонии в Северной Америке. Компаньоны снарядили корабль и яхту, которые покинули гавань Тексела 12 декабря того же года. Хотя уже через день после выхода в море яхта была атакована и захвачена испанскими корсарами из Дюнкерка, шкипер второго судна не отказался от рейса в Новую Францию (так тогда называли Канаду). «Большой корабль, – пишет де Фрис, – продолжил плавание, имея на борту некоторое количество людей для высадки на острове Тортуга в Вест-Индии; на сей остров мы заключили контракт с шестьюдесятью французами, чтобы сохранить его для нас как колонию под главенством их Великих Державностей Господ Штатов и Вест-Индской компании».

Однако высадить голландских колонистов на Тортуге не удалось.

«В сентябре [1631 года] наш корабль вернулся из Новых Нидерландов[16] и Вест-Индии, – продолжает свое повествование де Фрис. – Они бы высадили много людей на Тор-

[16] Голландская колония на территории нынешнего штата Нью-Йорк.

туге, однако обнаружили, что французы были перебиты испанцами. Корабль доставил остальных на Южную реку в Новых Нидерландах и взял там немного жира из мертвого кита, найденного на берегу. Капитан сказал, что в этот год он прибыл туда слишком поздно; это был убыточный для нас вояж; ибо сей капитан, Питер Хейес из Эдама, которого мы поставили командиром, не отважился плыть с одним лишь восемнадцатипушечным кораблем через Вест-Индию, где он должен был покрыть расходы на наш вояж. Это был человек, привыкший ходить только в Гренландию, куда он и совершил плавание, длившееся три или четыре месяца, после чего вернулся домой».

Упомянутое нападение испанцев на Тортугу имело место в октябре 1630 года. Солдаты, отплывшие из Санто-Доминго, разорили плантации и сравняли с землей основанное французами и англичанами поселение. Согласно английским данным, испанцы поймали и повесили 15 плантаторов; остальным колонистам, по всей видимости, удалось бежать в лес или на северный берег Эспаньолы. Из свидетельских показаний испанца Лукаса Франко, которые он дал под присягой в Сантьяго-де-Куба 5 июля 1631 года, известно, что карательный отряд возглавлял некий Фулано Камайо, а пятнадцать казненных пленников были французами, англичанами и голландцами.

Едва каратели ушли, прихватив с собой негров-рабов и оставив на острове небольшой гарнизон из 29 солдат, англичане и французы заручились поддержкой вольных охотников-буканьеров, обитавших на Эспаньоле, и снова высадились на острове. Без труда разгромив небольшой испанский гарнизон, они вернули Тортугу под свой контроль.

Именно с этого времени «остров Черепахи» начал приобретать славу пиратского убежища. Упомянутый выше Лукас Франко свидетельствовал, что попал на Тортугу на борту французского корсарского судна из Гавра, которое вышло с острова Сент-Кристофер и искало добычу в водах Пуэрто-Рико и Эспаньолы. Узнав об убийстве испанцами пятнадцати плантаторов, корсары решили высадить Франко и его товарища в Кайоне, чтобы местные жители отомстили им за убитых. Но когда испанцев переправляли на берег, они неожиданно напали на экипаж шлюпки, убили боцмана и двух матросов, а третьего матроса – Жака де Агиляра – взяли в заложники и благополучно ушли на Кубу.

Глава 4. «Остров Ассоциации»

Поскольку развивать колонию без военной и финансовой поддержки из Англии было нелегко, авантюристы Тортуги решили подыскать себе влиятельных покровителей. В Лондоне их агенты (Роберт Уормли и другие) вышли на некоего Сэмюэла Рэнда – «доктора физики» из Сити, и Джона Харта – колониального торговца средней руки, которые помогли им установить контакт с руководителями *Компании острова Провиденс* (КОП).

Эта компания на паях, образованная в 1630 году по инициативе графа Уорвика, являлась самым известным пиратско-колонизационным предприятием английских пуритан в 30—40-х годах XVII века. Свои задачи учредители КОП сформулировали так: 1) превратить остров Провиденс (испанское название – Санта-Каталина) и другие острова Карибского моря в укрепленные базы для «досаждения испанскому королю и перехвата его сокровищ, с помощью которых он беспокоит и подвергает опасности многие христианские страны и разжигает войны против последователей реформаторской религии»; 2) использовать эти острова в качестве плацдармов для овладения испанскими колониями на материке; 3) превратить вест-индские владения в источники сырья и рынки сбыта продукции английских мануфактур; 4) распространять на новые земли слово Божье в его пуританской интерпретации.

Компания добилась от правительства права *адмиралтейской юрисдикции*. Это означало, что ее представители на островах Карибского моря могли разбирать все дела о захваченной у испанцев добыче там же, в Вест-Индии, без непосредственного вмешательства Верховного суда Адмиралтейства. Хотя в 1630 году между Англией и Испанией был заключен мирный договор, Компания острова Провиденс не собиралась отказываться от корсарских набегов на испанские корабли и поселения в Америке. 10 января 1631 года графу Уорвику удалось получить разрешение Тайного Совета на покупку у короны двадцати пушек, боеприпасов и пороха. В инструкциях, переданных первому губернатору Провиденса Филиппу Беллу и членам Совета острова, отмечалось: «Очевидно, что между нами (англичанами и испанцами. – В.Г.) нет мира на широте, где вы находитесь…».

Поскольку в это время продолжалась испано-голландская война, компания рекомендовала губернатору поддерживать дружеские отношения с голландскими каперами, активно промышлявшими на морских коммуникациях Вест-Индии, а также совершавшими нападения на приморские поселения. Должность «адмирала Провиденса» получил старый морской волк Дэниэл Элфрит, который в том же году взял на абордаж испанский фрегат, стоявший у побережья Ямайки.

Для переговоров с авантюристами Тортуги директора Компании острова Провиденс избрали специальный комитет из пяти человек. В протоколах компании от 19 мая 1631 года записано, что данный комитет «образован для связи с агентами колонии из примерно 150 человек, поселившихся на Тортуге». 24 мая в Брук-Хаусе были обговорены условия, на которых КОП готова была оказать протекцию колонистам Тортуги, и разработаны инструкции для последующей передачи их агентам капитана Хилтона. Король Карл удовлетворил просьбу компании расширить территорию действия ее патента на несколько градусов к северу, чтобы остров Тортуга «на законных основаниях» вошел в зону деятельности ассоциации графа Уорвика.

Роберт Рич, 2-й граф Уорвик. Художник Антонис ван Дейк.

15 июня в протоколах КОП было записано, что «плантаторы острова Тортуги просили компанию взять их под свое покровительство и позаботиться об их укреплении за вознаграждение из одной двадцатой части продуктов, производимых там ежегодно». В тот же день руководство КОП приняло окончательное решение о принятии Тортуги под свою протекцию.

Авантюристов Тортуги представляли шесть членов Совета острова: капитан Энтони Хилтон – губернатор, капитан Кристофер Уормли – вице-губернатор, капитан Ричард Брэгг – торговый агент, Роберт Уормли, Сэмюэл Рэнд и Джон Харт. Все они допускались в КОП лишь для решения вопросов, связанных с жизнедеятельностью Тортуги, и не могли участвовать в делах, касавшихся иных территорий, на которые распространялось действия компанейского патента. На оплату первого торгового склада (магазина) на Тортуге члены КОП должны были внести по 70 ф. ст., а члены Совета острова – по 40 ф. ст.

16 июня того же года Джону Харту было поручено зафрахтовать судно и обеспечить его необходимым снаряжением. Капитан Уильям Рэдиерд (младший брат одного из директоров КОП сэра Бенджамина Рэдиерда), имевший за плечами кое-какой боевой опыт, должен был возглавить людей, отправлявшихся на Тортугу. Его лейтенантом (заместителем) назначили капитана Уильяма Роуса, а младшим лейтенантом – Роберта Уормли. Переселенцы должны были отдавать компании половину своих доходов, оставляя вторую половину в своем распоряжении. Наиболее предпочтительной категорией переселенцев считались законтрактованные работники[17], которые должны были работать по контракту не за деньги,

[17] Англичане называли законтрактованных работников *сервентами*. Они должны были отработать на своих хозяев три, пять или семь лет.

а за «мясо, питье и одежду», и лишь после окончания срока службы им позволялось приобрести землю и оставлять себе на прожиток половину доходов. Определена была также зарплата для ремесленников, хирургов-цирюльников и прочих специалистов, выполнявших в колонии специфические виды работ.

23 июня граф Уорвик распорядился отправить на Тортугу 5-пушечный пинас водоизмещением 60 тонн; одновременно Джону Харту рекомендовали приобрести необходимые товары для первого торгового склада Тортуги.

Ситуация несколько изменилась 27 июня, когда, собравшись в Уорвик-Хаусе, руководители КОП начали дискутировать по поводу снаряжения экспедиции на Тортугу. Поступило предложение отложить ее выход в море до весны, а пока отправить в Вест-Индию небольшой шлюп с одеждой, обувью, инструментом и прочими припасами. Этот шлюп хотели погрузить в разобранном виде на борт корабля, идущего в восстановленные после испанского нападения колонии на Сент-Кристофере и Невисе. На Невисе его планировали собрать, после чего отправить на Тортугу под командованием Роберта Уормли. Последний должен был передать авантюристам острова статьи соглашения, заключенного с ассоциацией Уорвика, и добиться от колонистов подтверждения их готовности сотрудничать с КОП. Только после этого компания продолжила бы снаряжение упомянутой экспедиции. Данное предложение, однако, встретило возражение со стороны ряда влиятельных акционеров, и уже 1 июля в доме Гардинера было решено отправить пушки, людей и товары на Тортугу «со всей возможной поспешностью».

6 июля комитет по делам Тортуги одобрил информацию Джона Харта о найме 7-пушечного судна «Литл хоупвелл» из Лондона, которое «предназначалось для вояжа к острову Ассоциации». Островом Ассоциации отныне стали называть Тортугу. Харт пообещал достать необходимую провизию в течение двух недель, а судно подготовить к плаванию через три недели. Шкипером был утвержден известный корсар Мэтью Харботтл, которому обещали платить 4 ф. ст. в месяц (по тем временам эта зарплата была выше, чем у капитанов королевского флота). Энтони Хилтон был официально объявлен губернатором Тортуги, а в случае его смерти или отсутствия обязанности губернатора должен был выполнять Кристофер Уормли. Также были избраны Совет острова, адмирал, капитан форта, генеральный смотритель войскового реестра и другие офицеры.

21 июля комитет по делам острова Ассоциации рассмотрел и утвердил назначения капитанов Хилтона, Уормли, Рэдиерда и прочих, а также инструкции и письма компании.

О подробностях плавания капитана Харботтла мало что известно. Прибыв на Тортугу, он высадил там пассажиров и выгрузил пушки и товары для компанейского склада, затем посетил остров Провиденс, где на берег сошли капитан Уильям Рэдиерд и его лейтенант Роус, принял на борт партию колониальных товаров и в апреле 1632 года благополучно вернулся в Англию.

Следующая группа переселенцев – около 150 человек – отплыла на Тортугу и Провиденс на борту зафрахтованного компанией судна «Чарити» в мае 1632 года. Шкипером судна был Томас Пант, его помощником – уже знакомый нам Мэтью Харботтл. Переселенцев возглавлял плантатор с Сент-Кристофера Сэмюэл Филби, решивший обосноваться на Тортуге с женой, ребенком и четырьмя слугами. Пант имел предписание зайти по пути на Малые Антиллы и взять на Барбадосе, Невисе или Сент-Кристофере семена хлопка, табака, красного перца, а также гранатовые зерна для их последующей передачи колонистам Тортуги и Провиденса. Плавание судна через Атлантику проходило в трудных условиях; провизии не хватало, а вода, взятая на Невисе, оказалась плохого качества. Позже, когда «Чарити» вернулось в Англию, моряки пожаловались руководству КОП на постоянное недоедание и жестокое обращение с ними шкипера Панта.

Мистеру Ки, пуританскому священнику, компания поручила заботу о духовном воспитании жителей Тортуги, однако, приступив к исполнению своих обязанностей, он обнаружил доверенную ему «ниву» бесплодной. Большинство колонистов составляли буканьеры и флибустьеры трех национальностей, слывшие людьми грубыми, погрязшими во всех смертных грехах. Убедившись в тщетности своих попыток улучшить нравы местных обитателей, мистер Ки упросил руководство КОП перевести его на Провиденс, где капитан Сассекс Кэммок нашел для него место в экспедиции, отправлявшейся торговать с индейцами Москитового берега (на карибском побережье Никарагуа).

К этому времени отношения между Лондоном и авантюристами Тортуги заметно охладели. Причина этого крылась в том, что последние, привыкшие к свободной торговле, не хотели признавать установленную компанией монополию на коммерцию. Директорам стало известно, что французские и голландские контрабандисты вербуют на Сент-Кристофере и Невисе лесорубов, привозят их на Тортугу и с согласия Хилтона заготавливают ценную древесину, транспортируемую затем в порты Франции и Нидерландов. Казначей компании Джон Пим настоятельно советовал губернатору Тортуги заботиться не только о своем кошельке. В частности, он рекомендовал ему покупать у голландских корсаров негров-рабов и использовать их на острове в интересах компании. В феврале 1633 года Хилтон сообщил Пиму, что приобрел сорок африканских невольников, половина которых стала собственностью компании и была отправлена на лесоповал.

Осенью того же года судно «Дейнти» доставило из Вест-Индии в Англию письма от губернатора Тортуги, груз табака и двадцать тонн «бразильского дерева», которое продали по цене 30 ф. ст. за тонну. В одном из писем содержалось обвинение в адрес некоего Томаса Дью, пытавшегося поднять на острове мятеж, а затем сбежавшего оттуда. Позже руководство КОП заслушало показания Дью и не нашло его виновным в мятежных настроениях. С другой стороны, оно крайне негативно отнеслось к «подозрительной» идее Хилтона оставить Тортугу и вместе со всеми колонистами переселиться на какой-нибудь другой необитаемый остров.

Документы рассматриваемой эпохи определенно указывают на то, что колония на Тортуге в период губернаторства Энтони Хилтона была далека от процветания. Может быть, именно поэтому запутавшийся в долгах губернатор начал заключать сделки не только с контрабандистами, но и с пиратами, облюбовавшими гавань острова в качестве места отдыха, сбыта захваченной добычи и пополнения припасов. Среди пиратских вожаков, которым протежировал Хилтон, значился и капитан Томас Ньюмен.

Глава 5. Дело капитана Ньюмена

Английский пират Томас Ньюмен активно разбойничал на просторах Атлантики и в Вест-Индии между 1633 и 1642 годами. Его корабль «Хантер» («Охотник») был куплен в Голландии, в Роттердаме, и снаряжен в Дувре с помощью лондонского купца Лайонела Ньюмена (родного брата Томаса). Часть пушек владельцы судна приобрели у купца-авантюриста Джона Харта с острова Тортуга. Хотя Харт в то время входил в лондонскую Компанию острова Провиденс, пушки он ухитрился продать Ньюмену в частном порядке, без ведома компании.

«Хантер» покинул Англию в конце 1632 или начале 1633 года с несколькими пассажирами, чтобы, как было объявлено на таможне, «рубить лес на Тортуге». В то же время перед самым отплытием организаторы экспедиции заявили, что у них имеется голландское каперское свидетельство на право грабежа испанцев, подписанное принцем Оранским.

Возле Канарских островов «Хантер» взял на абордаж два испанских судна, одно из которых позже было переоснащено на Тортуге и превращено в капер. Больше года Ньюмен разбойничал в водах Кубы, Эспаньолы и Пуэрто-Рико, заходя в гавань Тортуги лишь для пополнения запасов пресной воды, дров и продовольствия. Набив трюмы сокровищами, он в декабре 1634 года вернулся в Европу. Добыча была выгружена в порту Роттердама. Испанское правительство, узнав подоплеку этого круиза, заявило английским властям решительный протест в связи с тем, что они под прикрытием Компании острова Провиденс поощряли «явное пиратство».

Весной 1636 года Томас Ньюмен установил более тесные связи с упомянутой компанией. 5 мая на заседании директоров КОП он предложил организовать новую приватирскую экспедицию в Вест-Индию. Это предложение обсуждалось в Брук-Хаусе 7, 14 и 16 мая. Девять джентльменов-авантюристов выделили «на дело» 1250 ф. ст., и к этой сумме сам пират добавил 400 ф. ст. Были зафрахтованы корабль «Хэппи ритарн» и пинас «Провиденс», поднявшие паруса в августе 1636 года. Судя по ряду источников, в Вест-Индии Ньюмен объединился с кубинским пиратом Диего Грильо, известным также по прозвищу Мулат Диего, или Диего Эль Мулато. Их операции в бассейне Карибского моря оказались успешными. По свидетельству губернатора Новой Англии Джона Уинтропа, в 1637 году приватиры доставили на Тортугу разнообразную добычу, в том числе негров-рабов. А богатый испанский приз[18], взятый Диего, был отведен им в Европу, в один из портов Голландии (позже туда был отправлен агент КОП, чтобы попытаться отсудить в пользу компании хотя бы часть захваченной добычи).

В апреле 1638 года «Хэппи ритарн» вернулся из Америки в Англию, привезя с собой груз табака, жира и шкур на 4 тыс. ф. ст. (инвесторам КОП причиталось 2 тыс. ф. ст.). Что касается Ньюмена, то он продолжил крейсерство на пинасе «Провиденс». В ноябре того же года, направляясь из Вест-Индии домой, это судно зашло в Новую Англию. Джон Уинтроп записал в своем дневнике: «Некий капитан Ньюмен был отправлен с поручением графа Голланда, губернатора Вестминстерской компании (т. е. Компании острова Провиденс. – В.Г.), графа Уорвика и прочих из этой компании брать добычу у испанцев… в Вест-Индии, после чего он захватил у них много небольших судов и прочее… Он привез [с собой] много шкур и много жира. Шкуры он продал здесь по 17 ф. ст. 10 шилл., жир – по 29 шилл. и отплыл в Англию 1 декабря».

Ньюмен достиг Ла-Манша в день Рождества, однако у родных берегов счастье изменило ему. В двух лигах от Дангенасса па пинас неожиданно напал испанский корсар из Дюн-

[18] *Приз* – трофейное судно, добыча.

керка. В результате столкновения пять англичан было ранено, трое убито, а «Провиденс» взят в качестве приза и отведен в дюнкеркский порт. В руки испанцев попало 25 тюков индиго, много ящиков сарсапарильи, золотая цепь, мешок серой амбры, четыре крупных алмаза, большое количество жемчуга, несколько бочек золота и серебра, серебряные слитки и два куска золота на общую сумму 30 тыс. ф. ст. Как только граф Уорвик узнал о захвате Ньюмена корсарами из Дюнкерка, он ходатайствовал перед королем Карлом о содействии скорейшему возвращению пирата на родину. Королевский посланник в Брюсселе сэр Балтазар Джербер получил от государственного секретаря сэра Джона Кока указание сделать соответствующее заявление кардиналу-инфанту, а английский посол в Мадриде должен был подать иск в испанский суд. Хотя испанские власти не хотели, чтобы «величайший пират современности» был отпущен на свободу, после двух лет переговоров корсары «Провиденса» вместе со своим вожаком благополучно вернулись в Англию.

Ньюмен не стал долго задерживаться на берегу, уйдя с головой в новые пиратские авантюры. Из записок Уинтропа мы узнаем, что он «сгинул на пути к Кристоферу (остров Сент-Кристофер в Вест-Индии. – В.Г.) с очень богатым призом во время великого урагана 1642 года».

Глава 6. Томас Литтлтон против братьев Хилтонов

Немало хлопот Компании острова Провиденс доставляли кредиторы Энтони Хилтона, которым он упорно не желал возвращать долги. В частности, один из них – новый губернатор Невиса Томас Литтлтон – поклялся захватывать корабли компании, приходящие на его остров, до тех пор, пока не возместит нанесенные ему убытки.

В это время на Невис пожаловал капитан Ричард Брэгг, член Совета Тортуги, ничего не знавший об угрозе Литтлтона; он искал свежую провизию, рекрутов и товары для торговли с индейцами Дарьенского перешейка и очень удивился, когда губернатор велел арестовать его. Вслед за этим Литтлтон подал на компанию иск в английский суд, но добиться уплаты долга так и не сумел.

В 1634 году Энтони Хилтон неожиданно умер, и авантюристы Тортуги избрали его преемником капитана Кристофера Уормли. Брат умершего губернатора, бомбардир Джон Хилтон, как раз освободился из испанского плена (он был взят на Невисе в качестве заложника в 1629 году) и решил вновь попытать счастья на Антильских островах. Поднявшись в Мидделбурге на борт зеландского каперского корабля «мингера Руэборо» (очевидно, Рубергена. – В.Г.), который отправлялся на Тортугу, он во время путешествия зашел на Невис. Позже в мемуарах бомбардир напишет, что ему хотелось засвидетельствовать свое почтение губернатору Литтлтону и увидеться с кем-нибудь из старых друзей.

В губернаторском доме Хилтона встретили с распростертыми объятиями и пригласили отобедать, но в разгар пирушки Литтлтон приказал мушкетерам из охраны взять гостя под стражу.

– Как же так, – удивился бомбардир, – не успев выйти из одной тюрьмы, я должен идти в другую? Объясните, в чем причина?

Губернатор ответил:

– Ваш брат умер, и вы становитесь владельцем всего, что он имел. Заполучив вас, я смогу вернуть то, что ваш брат задолжал мне.

Джон Хилтон покачал головой:

– Меня больше огорчает известие о смерти моего брата, чем ваша угроза. Итак, мне надлежит оплатить долги брата. Но я лично должен вам какие-либо вещи?

Секретарь губернатора, мистер Проктер, принес массивный гроссбух и, полистав его, объявил, что Джон Хилтон задолжал Литтлтону шесть мотыг. Бомбардир тут же извлек из кармана горсть серебряных талеров и швырнул их на стол со словами:

– Плачу за себя.

Вице-губернатор Лак Стоукс предложил Литтлтону выйти в соседнюю комнату и переговорить там с глазу на глаз. Когда они вернулись, арестованный был освобожден. Все снова заняли свои места за обеденным столом. Хилтон, скрывая раздражение, сделал вид, что примирился с губернатором и в подтверждение этого выпил за его здоровье не один кубок рома. Потом все участники застолья были приглашены на борт судна, где Хилтон обещал организовать в их честь попойку, сытный ужин и фейерверк. Приглашение было принято с энтузиазмом.

В разгар пиршества бомбардир незаметно выскользнул из каюты и, подозвав шкипера, поведал ему обо всем, что произошло на берегу.

– Ладно, скажите только слово, и я высажу этих мерзавцев на побережье Эспаньолы среди *коу-киллеров*[19], – проворчал голландец.

---

[19] *Коу-киллеры* – английское название вольных охотников на острове Эспаньола. Французы называли их *буканьерами*.

– Нет, не стоит, – возразил Хилтон. – Я хочу лишь напугать их. Пусть дюжина мушкетеров с зажженными фитилями притаится в оружейной камере, и, когда я крикну «Эй!» и топну ногой, им нужно будет войти в каюту и на галерею и приставить к груди каждого из гостей дуло мушкета. В первую очередь – к груди губернатора.

Спектакль был разыгран точно по сценарию.

– Теперь вы – мои пленники, – заявил Хилтон Литтлтону и его опешившим компаньонам, – и мне хочется, чтобы вы познали горе так, как познал его я. Вас покинут на берегу среди *коу-киллеров*.

Один из гостей, капитан Спэрроу, предпринял попытку оказать сопротивление, однако мушкетеры легко утихомирили его.

– Пристрелите этого пса! – закричал Хилтон. – И сбросьте его с галереи в море!

Пленники пришли в ужас и начали умолять бомбардира пощадить их. В документе сказано, что Томас Литтлтон, «являясь скорее купцом, нежели солдатом, был весьма напуган, и поэтому Хилтон, опасаясь, как бы он не умер на борту, вызвал лодку и велел отправить этих мошенников на берег… Спровадив их на берег, он поднял паруса и продолжил свой путь на Тортугу».

Не расставшись с надеждой получить кое-что из имущества Энтони Хилтона, губернатор Невиса вскоре и сам отправился в сторону Тортуги. Однако судьба не благоволила ему; во время плавания Литтлтон неожиданно заболел и умер.

Глава 7. Нападение испанцев

В конце 1634 года в гавани Тортуги бросил якорь потрепанный штормами корабль голландского судовладельца Ричарда Эверстена (он же – Ричард Пагетт). Познакомившись с островом и его жителями, голландец в письме руководителям Компании острова Провиденс сообщил, что в опекаемой ими колонии постоянно проживает 150 человек, не считая большого числа французов, бежавших сюда от испанцев с Эспаньолы. Форт, вооруженный артиллерией, хотя и призван защищать гавань, но находится в плачевном состоянии; военная дисциплина отсутствует вовсе; губернатор Кристофер Уормли, сменивший Хилтона, осуществляет весьма слабый контроль над жителями и главное внимание уделяет извлечению барышей от сделок с пиратами.

Испанцы тоже разжились ценной информацией о состоянии дел на Тортуге. В этом им помог ирландский сержант-дезертир, фигурирующий в документах под именем дона Хуана Морфа Херальдино-и-Бурко. В середине 1634 года он вместе со своим братом – католическим священником – захватил на рейде небольшое судно (при этом брат его был застрелен) и бежал в Картахену – портовый город-крепость на побережье Новой Гранады. Оттуда его переправили в Санто-Доминго, к президенту аудиенсии дону Габриэлю де Чавес-и-Осорио. Последний три месяца обдумывал план нападения на Тортугу и, в конце концов, оставил его осуществление своему преемнику – дону Алонсо де Сереседе.

В ноябре—декабре в Санто-Доминго была снаряжена экспедиция, состоявшая из двух отрядов: примерно 150 конных *лансерос*[20] возглавил тридцатилетний капитан Руй Фернандес де Фуэмайор (Фуэнмайор), а еще сотню солдат – капитан Франсиско Туррильо де Йельва (Йевра). Последний отплыл из Санто-Доминго 4 января 1635 года на четырех судах, имея приказ идти к северному побережью Эспаньолы, в гавань Байаха. Отряд Фуэмайора должен был прибыть туда же по суше. Главной целью экспедиции было уничтожение пиратского гнезда на Тортуге, поскольку местные флибустьеры прерывали «навигацию фрегатов и барок, которые приходили и уходили из Санто-Доминго на Кубу, в Картахену и другие места».

[20] *Лансерос* – испанское название копейщиков.

Тортуга и гавань Пор-де-Пэ на испанской карте 1602 года.

21 января 1635 года испанские суда подошли к гавани Бастера, защищенной небольшим фортом с шестью пушками, и, не рискнув высадить десант в этом месте, переместились на запад – к селению Кайон. Там все суда неожиданно сели на мели и рифы, прикрывавшие вход в Кайонскую гавань. Согласно данным двух сохранившихся испанских отчетов (от 16 января и 12 июня 1635 года), на острове и на стоявших в гавани трех флейтах[21] и одном пататше[22] в то время находилось около 600 человек, включая женщин, детей и рабов. Несмотря на аварию, Фуэмайор высадился на берег с 30 солдатами и двинулся прямо к дому губернатора. Во время короткой стычки пятнадцать защитников острова и «губернатор» были убиты (в действительности испанцы приняли за губернатора одного из офицеров; губернатор Кристофер Уормли проявил трусость, бежал и позже уплыл на одном из стоявших в гавани судов в Виргинию).

Развивая наступление, отряд Фуэмайора устремился из Кайона к Бастеру и по дороге натолкнулся на большую толпу англичан и французов, насчитывавшую около 190 человек. Рассеяв их, испанцы захватили 70 пленных и зарубили или повесили нескольких мужчин. Часть негров-рабов, согласно английским данным, бежала в горы. Большой группе белых колонистов, включая священника Бартоломью Стайлза и компанейского агента Энтони Робертса, удалось выбраться из Бастера и найти убежище на борту двух судов, вошедших в гавань через проход Гранд-Пас. Одним из этих парусников был корабль Компании острова Провиденс «Уильям и Анна», шкипер которого приобрел на Антильских островах сто тонн «бразильского дерева» и сорок тонн табака. Позже стало известно, что из-за сильной перегруженности он вынужден был зайти на Азорские острова и высадить часть пассажиров

[21] *Флейт* – морское парусное транспортное судно Нидерландов XVI – XVIII веков. Его борта делались слегка заваленными в сторону палубы.

[22] *Пататш* – 2—3-мачтовое вооруженное судно с небольшой осадкой, использовавшееся для разведки, патрулирования побережья и охраны торговых судов.

на берегу островка Грасьоза. Продолжив плавание, это судно в марте того же года потерпело крушение у острова Бель-Иль.

В целом во время испанского нападения было убито 195 человек. Уничтожив табачные плантации и разрушив дома, испанцы сожгли две кренговавшиеся[23] на берегу урки[24] и захватили разоруженный паташ, после чего с триумфом вернулись в Санто-Доминго. В качестве трофеев они привезли с собой несколько десятков рабов, шесть пушек, от 123 до 180 мушкетов, амуницию и четыре флага.

Интересную информацию о нападении испанцев на Тортугу и судьбе английских колонистов содержит дневник уже упоминавшегося нами голландского предпринимателя Давида Питерсзоона де Фриса. Посетив Гвиану и Малые Антильские острова, его корабль в марте 1635 года взял курс на юго-западную оконечность Эспаньолы.

«21-го [марта 1635 года], утром нашли себя близ острова Ваш, – пишет де Фрис. – Увидели, что восточный берег острова полон скал и тростника, и около полудня миновали сей остров и пошли к мысу Тибурон. Около трех часов пополудни мы встретили небольшую яхту из флота Вест-Индской компании, с которой нас окликнули и поинтересовались, куда мы намереваемся идти. Ответили им, что на Тортугу, лежащую за Эспаньолой. Они сказали нам, чтобы мы плыли с осторожностью, так как 9 января они бежали от испанцев, которые убили [там] от пяти до шести сотен англичан.

22-го, мыс Тибурон был к востоку от нас, и зеландский капер по имени Мартман… прибыл к нам на борт и спросил, куда мы собираемся идти. Мы ответили ему, что на Тортугу. Он сказал нам, чтобы мы были внимательны, так как он прибыл оттуда и кренговал там свой корабль. Когда он занимался этим, пришли испанцы и опустошили остров, на котором они убили и взяли в плен многих англичан. Он [Мартман] находился близ английского форта, в коем было установлено девять пушек, которые испанцы сразу же заклепали, и это случилось ночью. Мартман, пока его лодка находилась под стенами форта, переправил две пушки на сушу. Когда рассвело, он забрал свою пушку с берега и защитил свою лодку с помощью двух орудий, имевшихся на корабле, так как стоял близко к берегу. Когда он забирал свою лодку на борт, никто из испанцев не дерзнул подойти к форту. Затем они устремились через плантации, чтобы изгнать англичан. Ночью туда прибыл шлюп с испанцами, который необдуманно шел на веслах или под парусом на риф; но Мартман был начеку (поскольку это происходило рядом с его кораблем) и послал свою вооруженную лодку к ним, и забрал их на свой борт. Так вот, английский губернатор спасся благодаря помощи этого капера, который передал ему [губернатору] тех захваченных испанцев, с коими тот не стал вести переговоры, а сразу же убил. Это не очень-то понравилось Мартману, поскольку он хотел заработать на этих пленниках, ибо некоторые из них могли заплатить выкуп. Обо всем этом Питер Янсз Мартман рассказал нам… Мы также узнали от него, что он захватил пятнадцатипушечный приз, доверху нагруженный канарским вином, но послал этот приз в наветренную сторону к острову Ямайка… У испанцев было четыре судна, полные людей, с коими они совершили это нападение. Они имели корабль и три барки, вместе с небольшой лодкой. Потом он [Мартман] ушел, обменявшись с нами салютом… Мы пожелали ему доброго приза и успешного вояжа».

Описывая свой дальнейший путь к Тортуге, де Фрис сообщает еще об одной неожиданной встрече:

«23-го, рано утром, встретили близ [островов] Каймитес, у западной оконечности Эспаньолы, рыбацкую лодку вместе с торгующим древесиной шлюпом, который был полон английскими беженцами, бежавшими с острова Тортуга. Они просили, чтобы я забрал людей

---

[23] *Кренгование* – придание судну крена в целях осмотра, окраски и ремонта его подводной части.

[24] *Урка* – крупный торговый корабль голландской постройки.

со шлюпа, торгующего древесиной (коих насчитывалось двадцать пять человек), вместе с еще двадцатью пятью – с рыбацкой лодки, которые были так переполнены, что не могли двигаться дальше. Но моя команда боялась взять на борт так много людей; однако я ответил им, что это – не английские моряки, а плантаторы, и [поэтому] нечего опасаться, что они могут увести корабль прочь; что я хорошо знаю, как обращаться с этими людьми, и знаю их язык; а также, что я не могу допустить, дабы они погибли в море, ибо они были христианами.

После долгого обсуждения с моими людьми, исходя из того, что у нас было лишь двадцать пять человек, они решили, что было бы глупо взять на борт пятьдесят иностранцев, не учитывая при этом, в каком жалком положении находились эти люди: они не имели никакой пищи и не решались сойти на берег, дабы поохотиться, ибо не имели [своего] судна…

В конце концов, я все же взял пятьдесят человек на борт и в тот же день отплыл вместе с ними за Каймите – остров, где мы стояли на якоре… Тут же несколько англичан сошли на берег с одним малым, который умел обращаться с гарпуном, и поймали морскую корову, которую вечером доставили на борт вместе с тремя большими черепахами. Поскольку было очень опасно оставаться здесь, на плохом грунте, и нельзя было набрать воды, мы решили идти в бухту Гоава, что на острове Гуанабо, расположенном примерно в десяти или двенадцати милях в глубине залива.

25-го, снялись с якоря утром и прибыли в полдень в бухту Гоава, где имелась прекрасная свежая вода, сбегающая с горы на берег моря, и где мы остановились с лодкой и наполнили бочки водой… Мы отправились на берег на нашей лодке с восемнадцатью или двадцатью англичанами, которым он был хорошо знаком, и прихватили для охоты своих собак. Это прекрасная бухта, она имеет около десяти футов[25] глубины, с отличным дном. Лодка вернулась вечером, привезя трех диких свиней, которых англичане поймали с помощью собак, и около шести тысяч апельсинов и лимонов; так что это – великолепное место для снабжения провизией. Кроме того, мы поймали на удочку несколько прекрасных рыб.

26-го, снова ходили к берегу на нашей лодке вместе с отрядом англичан и вернулись вечером с пятнадцатью или шестнадцатью тысячами апельсинов и лимонов, а также с семью дикими свиньями, которых они добыли на охоте.

27-го, увидели голландскую лодку с парусным вооружением шлюпа, которая стояла на якоре; мы выпалили из пушки, и при помощи подзорной трубы я обнаружил, что лодка та полна людей. Мы тут же выслали мой шлюп и лодку, хорошо снаряженные, и взяли ее на абордаж. На ней оказалось двадцать пять испанцев. Капитан судна показал мне письмо, [из которого явствовало] что он, имея прекрасный корабль, нагруженный шкурами, был захвачен [капитаном] Рубергеном. Они (команда капитана Рубергена. – В.Г.) отдали ему лодку, и я, со своей стороны, позволил ему идти дальше.

4-го апреля, достаточно обеспечив себя в этой бухте провизией и водой, мы решили утром плыть к соленому озеру, которое находится возле мыса Сан-Николас.

5-го, мы снялись с якоря и в полдень пришли на якорную стоянку возле высокой горы. Ее окружает равнина, и там, возле горы, имеется небольшое соленое озеро… Мы стали здесь на якорь, имея глубину пятнадцать фатомов[26] и песчаное дно. Я отправился на берег, чтобы найти озеро, и обнаружил в нем соль. Мы немедленно приготовились делать подмостки, чтобы набрать соли для балласта.

6-го, завершили сооружение наших подмостков и начали брать соль с помощью таза, но когда мы набрали три или четыре лодочных груза соли, начался дождь, и соль тут же растворилась в пресной воде. Мы подняли на борт ту соль, какую смогли собрать, и если бы это было не в дождливый сезон, мы могли бы нагрузить солью три или четыре судна. Тащить

---

[25] Один фут был равен 12 дюймам (0,3048 м).

[26] *Фатом* (морская сажень) – единица длины в английской системе мер и производных от неё, равная 6 футам (1,8288 м).

ее было удобно, так как до берега моря было не более тридцати шагов. Мы настреляли здесь много птиц – фламинго и иных, а еще здесь было множество диких лошадей – мы видели их утром, когда они бежали сотнями.

10-го, снялись с якоря на рассвете, отплыли и достигли мыса Сан-Николас вечером, а 12-го прибыли к острову Тортуга, который испанцы уже покинули, и застали там [капитана] Рубергена из Зеландии, который имел при себе взятый у испанцев приз, о чем сообщалось ранее, с двумя другими кораблями, один из коих был из Схидама, а другой – из Мидделбурга. Мы также застали здесь судно, на котором губернатор англичан [Кристофер Уормли] отправился в Виргинию. Пока стояли здесь, мы приобрели некоторое количество бразильского дерева, а поскольку ежедневно штормило, и мы не имели возможности выйти, наши англичане ежедневно отправлялись на остров Эспаньолу на охоту, чтобы ловить свиней и рогатых животных. Мы простояли здесь в безопасности – хотя погода была скверной – до 20-го апреля. Я спросил англичан, не желают ли они поселиться на острове снова; но они ответили, что боятся испанцев…

Этот остров находится у северной оконечности Эспаньолы, на расстоянии мили. Прекрасные ручьи стекают вниз из свежих потоков, так что там можно достать хорошую свежую воду. Также на острове Эспаньола имеется прекрасная саванна, или пастбище, где пасется много крупного рогатого скота, лошадей и свиней. Испанцев на северной стороне нет…

3-го мая, мы снялись с якоря возле восточной оконечности Тортуги и подняли паруса».

Из приведенного отрывка видно, что в 30-е годы XVII века острова Тортуга и Эспаньола регулярно посещались не только английскими и французскими авантюристами, но и голландскими каперами.

В популярной литературе по истории пиратства можно встретить иную – явно ошибочную! – дату нападения испанцев на Тортугу. Она восходит к сочинению французского миссионера Жана-Батиста дю Тертра, который датировал это нападение 1638 годом. У него указанную дату позаимствовали Жан-Батист Лаба, Шарлевуа, Моро де Сент-Мери и многие другие французские авторы (включая Жоржа Блона, написавшего «Историю флибусты»), а также такой крупный специалист по истории флибустьерства, как Кларенс Генри Харинг. Но ни в испанских, ни в английских архивах не обнаружено документов, подтверждающих версию об испанском вторжении на остров в 1638 году.

Ошибка дю Тертра и других хронистов, очевидно, была вызвана тем, что они спутали остров Тортугу, лежащий у северного побережья Гаити, с островом Ла-Тортуга, расположенным у побережья Венесуэлы. На последнем голландцы добывали соль и даже построили небольшой форт. В мае 1638 года отряд из 150 испанских солдат и такого же количества индейцев прибыл сюда на 13 пирогах под командованием дона Бернардо Ариаса Монтано, губернатора города Кумана. Заметив у берега голландский корабль и три сторожевых судна, испанцы овладели одним из них, после чего высадили десант на западной оконечности острова. На следующее утро Ариас атаковал голландский форт и после четырехчасового сражения, потеряв убитыми семерых испанцев и четырех индейцев (не считая двух десятков раненых), захватил это укрепление. Сорок защитников форта были безжалостно перебиты, а сам форт разрушен до основания. В конце июня того же года на Ла-Тортугу зашел «серебряный флот» под командованием дона Карлоса де Ибарры, но голландцев здесь он уже не обнаружил.

Таким образом, все упоминания об испанском нападении на Тортугу в 1638 году следует относить к острову, лежащему у берегов Венесуэлы, а не к тому, что расположен у берегов Гаити.

Глава 8. Годы запустения и тревог

Компания острова Провиденс узнала о нападении испанцев на Тортугу весной 1635 года. 10 апреля указанного года в Брукс-Хаусе был заслушан отчет миссис Филби о «неожиданном захвате Ассоциации». По ее словам, капитан Уормли «из-за своей трусости и халатности потерял остров, лишился управления и был изгнан оттуда».

В тот же день акционеры решили секвестировать всё имущество и долги покойного Энтони Хилтона в пользу его вдовы и детей, а 14 апреля – прекратить полномочия и арестовать все имущество Кристофера Уормли, если его вина в потере Тортуги будет доказана. Одновременно директора компании предприняли ряд мер по восстановлению колонии на острове. Обсуждались возможные кандидаты на пост губернатора, в том числе некий капитан Ли и уже знакомый нам Джон Хилтон. Последний имел реальные шансы стать преемником своего умершего брата на посту губернатора Тортуги, но поскольку на тот момент его не было в Лондоне, 17 апреля на заседании в Уорвик-Хаусе директора решили передать управление островом капитану Николасу Рескеймеру (Рискиннеру) – предприимчивому фламандцу, долгое время жившему в Дартмуте и имевшему опыт контрабандной торговли с Вест-Индией. Поскольку его семья была дружна с пиратским кланом Киллигрью из Корнуолла, можно предположить, что компания сделала ставку на Рескеймера именно из-за его близкого знакомства с пиратами.

Колонистам Тортуги новый губернатор был рекомендован как отличный «солдат и джентльмен», чей военный опыт мог пригодиться им в случае повторного испанского нападения. В Вест-Индию он отплыл в апреле того же года на борту судна «Икспектешн», прихватив с собой 30 мушкетов, 10 пистолетов, 2 пушки, 33 бочонка пороха, пуль и фитилей, 30 сабель, барабан, флаг, инструменты и товары на 20 ф. ст. Секретная инструкция предписывала ему по прибытии на остров изъять из имущества Энтони Хилтона в пользу компании 2 тыс. ф. ст., так как обнаружились новые подробности о незаконных сделках умершего губернатора. В частности, стало известно, что Хилтон присваивал себе те деньги, которые плантаторы и охотники-буканьеры платили за товары со складов компании, а также контрабандно сбыл партию «бразильского дерева» некоему Ашману – купцу Нидерландской Вест-Индской компании из Мидделбурха. В течение одного только 1634 года им было отправлено с Тортуги более 200 тонн древесины стоимостью около 5 тыс. ф. ст. Компания острова Провиденс подала в судебные инстанции Зеландии иски против Ашмана, но добиться возмещения убытков так и не смогла.

Имущество Хилтона в Англии было переписано доктором Рэндом в пользу его семьи. Единственное, что агентам компании удалось сделать в пользу инвесторов – это захватить принадлежавших покойному губернатору африканских невольников и отправить их вместе с несколькими чернокожими рабынями на Провиденс.

В начале 1636 года в Лондон пришло сообщение о том, что Рескеймер приступил к выполнению своих обязанностей; но уже в марте стало известно, что новый губернатор, заболев тропической лихорадкой, скоропостижно скончался.

Двое плантаторов, Уильям Стивенсон и Оуэн Дарнинг, рассказали руководству КОП, что в то время на Тортуге проживало 80 англичан. Сразу же после смерти Рескеймера они избрали Совет по управлению делами колонии и по надзору за 150 неграми-рабами, из которых 27 человек являлись собственностью компании. По словам Стивенсона и Дарнинга, остров Тортуга – «весьма целебный и дает лучшую соль в мире»; там имеется «хороший артиллерист и три пушки, которые были привезены капитаном Рискиннером».

Значительным было и французское население острова, состоявшее из буканьеров, пиратов, лесорубов и солеваров. Буканьеры хвастались, что могут ежемесячно доставлять на Тортугу с Эспаньолы до двухсот убитых животных и продавать их по 20 шилл. за голову.

Увеличение численности французов на острове явно не нравилось английским колонистам. В своей петиции директорам КОП они жаловались на то, что французские контрабандисты самовольно вывозят с Тортуги «бразильское дерево» и рабов.

26 марта в Брук-Хаусе было принято решение срочно зафрахтовать корабль и отправить на остров Ассоциации еще одну сотню переселенцев. Вместе с ними должна была отправиться и некая миссис Джонстон, жена секретаря Совета острова, а также двое ее слуг.

5 мая КОП изучала вопрос о состоянии дел на Тортуге и пришла к заключению, что существует «опасность голландского или французского захвата острова, если Компания откажется от него». В тот же день были рассмотрены предложения капитана Томаса Ньюмена по захвату призов у испанцев в Карибском море.

В английском «Календаре государственных бумаг», посвященном событиям в Америке и Вест-Индии, в записи от 14 мая 1636 года сообщалось:

«Казначей [Джон Пим] предлагает, чтобы 5000 ф. ст. были немедленно собраны для снабжения плантаций Компании продовольствием… Он также советует, чтобы некоторые члены Компании отправились [в Вест-Индию] лично и убеждает принять быстрое решение, так как без срочной помощи Провиденс не будет находиться в безопасности, а Тортуга будет несомненно потеряна. Различные суммы обещаны для заселения Ассоциации; капитан Рэдиерд назван как весьма подходящий для управления этим островом; распоряжение по петиции жены Граймза, бывшего артиллериста [острова] Ассоциации, умоляющей, чтобы ее муж был освобожден из рабства в Санто-Доминго. Лорд Брук отвечает на замечание сэра Томаса Бэррингтона относительно новой подписки на 10000 ф. ст. Предложено, чтобы священник и 50 человек были отправлены на Провиденс вместе с капитаном Ньюменом… и чтобы деньги были [дополнительно] собраны для снабжения Ассоциации».

Джон Пим предложил директорам КОП предпринять более энергичные меры по снабжению Тортуги переселенцами и амуницией, но из-за нехватки средств этот проект был отклонен. Тогда Пим настоял на том, чтобы права на Тортугу были переданы ему и его ближайшим компаньонам – лордам Бруку и Сей-и-Силу и купцу Уильяму Вудкоку. Они обязались выделить 1500 ф. ст. на снабжение острова необходимыми припасами и людьми: лорд Брук давал 750 ф. ст., Пим – 500 фунтов (из них 100 фунтов позже дал сэр Бенджамин Рэдиерд и столько же – Уэллер), лорд Сей-и-Сил – 250 фунтов; Вудкок оплачивал стоимость путешествия. Управление Тортугой должен был взять на себя Уильям Рэдиерд, капитан судна «Джеймс». Его заместителем назначили капитана Генри Хэнкса (он был связан с семьей государственного секретаря Англии сэра Эдварда Конвея и, возможно, служил под его началом в Нидерландах).

Когда все приготовления были закончены, «Джеймс» в августе того же года поднял паруса. Однако плавание его оказалось бесплодным – потрепанный зимними штормами, он в декабре вынужден был вернуться в Плимут.

На заседании правления компании 20 января 1637 года очередной проект отправки экспедиции на Тортугу был отклонен «в виду сообщения о том, что жители оставили её и переехали на Эспаньолу».

Что же заставило колонистов Тортуги покинуть остров?

Скорее всего, причиной этого могло быть новое нападение испанцев осенью 1636 года. Согласно испанским данным, в сентябре указанного года отряд ополченцев под командованием Хуана де Варгаса выступил из Сантьяго-де-лос-Кабальероса и, прибыв в залив Крус, что на северном побережье Эспаньолы, обнаружил 12-пушечное невольничье судно. Его капитан, носивший довольно популярное среди пиратов прозвище Деревянная Нога, при-

шел сюда с острова Сент-Кристофер и был занят погрузкой на борт пресной воды. Испанцы захватили вражескую шлюпку, а затем подкрались на ней к судну и взяли его на абордаж. На этом трофее Варгас совершил налет на Тортугу, откуда вернулся на Эспаньолу, в залив Байаха. Там испанцы натолкнулись на полсотни беглых рабов, вожак которых предал их в обмен на обещанную ему свободу. Варгас доставил пойманных рабов в Санто-Доминго, где всех их продали с молотка на невольничьем рынке.

Тем временем собранный КОП акционерный капитал пошел на снаряжение приватирского судна «Мэри Хоуп», отправлявшегося в Карибское море для участия в набегах на испанцев. Согласно инструкциям, экипаж «Мэри Хоуп» имел право присваивать всё, что находилось на палубах захваченных испанских судов. Кроме того, ему шла третья часть доходов, вырученных от продажи награбленного. Бедные призы следовало отправлять на Провиденс, а богатые отводить прямо в Англию. Если на борту трофейного судна обнаруживались африканские невольники, их можно было продать плантаторам; но те рабы, которые умели нырять за жемчугом, объявлялись собственностью компании.

Помимо «Мэри Хоуп», в Карибском море промышляли и другие приватирские суда компании. Губернатор Новой Англии Джон Уинтроп 28 февраля 1638 года записал в своем дневнике: «Г-н Пирс на сейлемском корабле „Дизайр“ вернулся из Вест-Индии спустя семь месяцев и привез оттуда хлопок, табак и негров, а также соль с Тортуги… Он встретил там два военных корабля, отправленных лордами Провиденса с каперскими свидетельствами, которые захватили у испанцев различную добычу и много негров». Эти два боевых корабля назывались «Хэппи ритарн» и «Провиденс», и командовал ими упоминавшийся ранее пират Томас Ньюмен.

Трудно подсчитать общий ущерб, нанесенный корсарами Тортуги испанскому судоходству в рассматриваемую эпоху. Согласно данным Сальватора Брау, с 1637 по 1641 год они захватили добычу на 400 тыс. пиастров лишь на тех судах, которые торговали с Пуэрто-Рико. И это в период, который в истории флибустьерства никогда не считался «золотым»! Впрочем, не исключено, что в число охотников за испанским золотом были включены не только флибустьеры, обитавшие на Тортуге и Эспаньоле, но и «гастролёры» из Европы – прежде всего, голландские каперы.

После того, как англичане покинули Тортугу, перебравшись на побережье Эспаньолы, гавань острова пришла в запустение. Правда, сюда продолжали наведываться французские буканьеры, заключавшие сделки с заезжими контрабандистами и флибустьерами, но по-настоящему возродить колонию на Тортуге удалось лишь спустя два года.

В конце 1639 года с Сент-Кристофера, Невиса и других Малых Антильских островов на Тортугу прибыло около 300 английских авантюристов, а с ними – сорок женщин и два десятка африканских невольников. Мужчины сначала избрали своим губернатором капитана Роджера Флоуда – бывшего шерифа с острова Провиденс. Однако суровый нрав капитана и применявшиеся им драконовские методы управления пришлись вольнолюбивым жителям Тортуги не по вкусу, и они, вышвырнув Флоуда из губернаторского кресла, избрали на освободившееся место начальника некоего Джеймса (Шарлевуа называет этого человека Уиллисом). Последний стал председателем Совета, сформированного из наиболее уважаемых, авторитетных колонистов.

Вспомнив, что Компания Провиденса долгое время была официальным патроном и спонсором Тортуги, Джеймс в начале 1640 года обратился к ее директорам с просьбой прислать в Бастер оружие и амуницию, обещая взамен платить компании подушный налог. Просьбу решили уважить, и в июне того же года Джон Пим приступил к сбору средств для снаряжения экспедиции на остров. Однако отправить на Тортугу подкрепления так и не удалось – в 1641 году из Вест-Индии пришла ошеломляющая весть о том, что форпост компании в Карибском регионе – остров Провиденс – захвачен испанцами! Графу Уорвику и его

партнерам по бизнесу пришлось крепко задуматься над тем, как возместить убытки, вызванные этой потерей.

Глава 9. Легенда о Питере Уиллисе

В Центральной Америке, в юго-восточной части полуострова Юкатан, находится государство Белиз, которое до 1973 года было колониальным владением Великобритании и называлось Британским Гондурасом. После провозглашения независимости страна получила свое нынешнее название по крупнейшему городу, расположенному в устье одноименной реки.

В исторической литературе (прежде всего, благодаря стараниям британских историков) широко распространена точка зрения, согласно которой топоним и гидроним Белиз происходит от имени шотландского флибустьера Питера Уиллиса (Виллиса), обитавшего когда-то на Тортуге. Согласно одной из легенд, этот флибустьер около 1640 года крейсировал в Гондурасском заливе и, преследуемый испанским фрегатом, вынужден был укрыться в устье мутной мелководной реки. В результате этого «исторического» события имя пирата стало названием реки и основанного на ее берегах поселения, а со временем было перенесено и на всю страну.

Красивый миф, не правда ли? Но подобных легенд в научно-популярной литературе можно найти немало. Так, знаменитый французский географ Жан-Жак Элизе Реклю (1830—1905), написавший капитальный 19-томный труд «Земля и люди. Всеобщая география», в 17 томе рассказал, как в конце XVII века английские пираты овладели островом Кармен, отделяющим лагуну Терминос от Мексиканского залива. Позже, в 1717 году, испанская флотилия, посланная из Веракруса, выбила их из этого убежища, и пираты перебрались на восточное побережье полуострова Юкатан. На гондурасском берегу ими был основан лагерь, «который от имени их начальника Валлиса стал известен под названием Балисе или Белизе (Balice, Belize)».

Так кто же такой Питер Уиллис (Виллис, Уоллес, Валлис) – реальное историческое лицо или плод чьей-то фантазии?

Покопавшись в исторической литературе XVII – XVIII веков, исследователи обнаружили в сочинении Шарлевуа упоминание о некоем капитане Уиллисе, который в конце 1639 или начале 1640 года был избран флибустьерами Тортуги председателем Совета острова. Когда французский отряд под командованием Левассёра выбил англичан с Тортуги (в августе 1640 года), Уиллис, «по всей видимости», перебрался на остров Провиденс, где в то время находилась небольшая английская колония. Наконец, после испанского нападения на Провиденс (в 1641 году) этот флибустьер «мог спастись бегством» и укрыться где-то в Гондурасском заливе. Как видим, вся указанная цепь событий построена на догадках и предположениях, а не на конкретных фактах биографии Уиллиса. Кстати, сам Шарлевуа ничего не говорит об основании Уиллисом поселения на месте современного Белиза.

Дальнейшие исследования показали, что легенды о Питере Уиллисе возникли в XIX веке, когда во многих британских альманахах появились весьма тенденциозные публикации по истории английских колоний в Центральной Америке. Например, в альманахе 1826 года впервые упомянут 1650 год как дата прибытия в район современного Белиза английских поселенцев, бежавших от преследования испанцев. В альманахах, выпущенных в 1827 и 1839 годах, впервые сообщается о «лейтенанте Уоллесе», изгнанном с острова Тортуга, а в альманахе 1829 года рассказано о группе потерпевших кораблекрушение моряков, которые в 1638 году основали поселение в устье реки Белиз. Нарда Добсон, автор «Истории Белиза» (1973), иронически замечает, что все указанные сообщения могли иметь под собой какую-то источниковую базу, но исходные документы, по всей видимости, были уничтожены огнем, ураганом или тропическими паразитами.

Вслед за авторами очерков в упомянутых альманахах в забавную игру для взрослых вступили более авторитетные мифотворцы. Так, в «Анналах Ямайки», написанных Джорджем Бриджесом (1827), читаем: «Уиллис, известный буканир (так англичане называли флибустьеров. – В.Г.), был первым англичанином, поселившимся на берегах реки, которой он дал свое имя. Испанцы называли ее Велис (Walis), а со временем это название трансформировалось в Белиз».

В «Истории Центральной Америки», вышедшей в 1883 году, сообщалось, что «Питер Уоллес, шотландец, высадился с примерно восьмьюдесятью компаньонами в устье реки Белиз и построил на ее берегах несколько домов, которые он оградил грубым палисадом. Его имя было присвоено как реке, так и поселению».

Профессор Артур Персиваль Ньютон, опубликовавший в 1914 году капитальную монографию «Колонизационные предприятия английских пуритан», тоже «обнаружил» флибустьера Питера Уоллеса в Гондурасском заливе; по его сведениям, Уоллес в 1643 году примкнул к флотилии приватира Уильяма Джексона, опустошавшей испанские поселения в Карибском море и Мексиканском заливе.

А один из современных гватемальских историков «напал на след» Уоллеса там, где его еще никто не искал: он сделал пресловутого пирата заместителем сэра Уолтера Рэли в его знаменитой экспедиции на реку Ориноко в 1617—1618 годах.

Чем же объяснить появление в исторической литературе столь многочисленных и столь сомнительных «пиратских» версий о возникновении Белиза? Ответ лежит на поверхности: Питер Уоллес был выдуман в XIX веке апологетами британского колониализма для обоснования «приоритетных прав» Британии на захват восточного побережья Юкатана.

В настоящее время наиболее убедительной выглядит альтернативная «индейская» версия происхождения названия Белиз. По мнению лингвистов, в основе этого топонима лежит одно из трех слов индейцев майя: либо belakin («земля по направлению к морю»), либо balitza («земля Итцы», где Итца – ныне не существующий древний город майя), либо beliz («мутные воды»; в сезон дождей река Белиз действительно становится мутной).

Тем не менее, местные жители предпочитают рассказывать заезжим туристам о пиратском происхождении своего города – единственного города на планете, фундаментом которого являются тысячи разбитых бутылок из-под рома.

Глава 10. Захват Тортуги гугенотом Левассёром

В 1640 году на Тортуге обострились отношения между английскими и французскими колонистами – плантаторами, флибустьерами и охотниками-буканьерами. Если верить французским источникам, англичане разоружили французов, некоторых из них убили, а прочих вынудили перебраться на северное побережье Эспаньолы. Посовещавшись, беженцы пришли к единодушному мнению отправить гонцов с просьбой о помощи к генерал-лейтенанту Французских Антилл рыцарю Мальтийского ордена Филиппу Блонделю де Лонвийе, шевалье-сеньору де Пуанси (1584—1660). Генерал-лейтенант, резиденция которого находилась на острове Сент-Кристофер, предложил военному инженеру-гугеноту[27] Левассёру возглавить отряд верных ему людей (тоже гугенотов), привести Тортугу под контроль Франции и стать губернатором острова.

До сих пор исследователи пытаются установить полное имя Левассёра. Согласно одним данным, его звали Франсуа Левассёр, сеньор де Рене де Буадуфле и де Летр, а местом его рождения был Конье (Cogners), что в Мэне. С другой стороны, канадский историк Рейналь Лаприз обнаружил архивные документы, в которых Левассёр именуется Жаном де Левассёром. Французский историк Жан-Пьер Моро называет его Жаном Левассёром.

Ряд авторов утверждает, что Левассёр прибыл на остров Сент-Кристофер в начале 1620-х годов вместе с нормандскими корсарами Урбэном де Руассеем и Пьером Белэном д'Эснамбюком. Но по данным Исидора Гюэ, когда д'Эснамбюк впервые высадился на Сент-Кристофере в 1625 году, здесь уже находился Левассёр «с 80 членами экипажа и 40 неграми, захваченными на берегах Африки». Тот же автор сообщает, что Левассёр и его команда очутились на острове после того, как потерпели кораблекрушение. В ожидании прихода какого-нибудь судна, которое могло оказать им помощь, французы вырастили на Сент-Кристофере пробный урожай табака. Этим товаром они собирались расплатиться со спасателями, которые согласились бы забрать их с острова.

По данным Жана-Пьера Моро и ряда других исследователей, предшественниками капитана де Руассея и д'Эснамбюка на Сент-Кристофере были – помимо Левассёра – также Жан Си и лионский капитан Анри де Шантэль, изгнанный в 1624 году из Кайенны (Гвиана) восставшими индейцами.

Присутствие Левассёра на острове до прибытия туда капитана де Руассея и д'Эснамбюка подтверждает долговая расписка последнего, в которой он обязался вернуть Левассёру 3 тыс. ливров серебром в благодарность за материальную поддержку, которую тот оказал ему после прибытия на Сент-Кристофер (включая уступку д'Эснамбюку 40 негров-рабов).

Опасаясь нападения со стороны испанцев и индейцев-карибов, французы с помощью африканских рабов возвели на берегу простейшие фортификационные сооружения и установили добрососедские отношения с англичанами из колонии Томаса Уорнера. Эти меры предосторожности оказались своевременными – в ноябре 1625 года к острову подошла флотилия индейцев-карибов. «Мы посоветовали им убраться, – писал английский капитан Смит, – но они не ушли; тогда мы и французы выступили вместе и пятого ноября пошли на них и обратили их в бегство».

В канун Нового года индейцы предприняли еще одну попытку изгнать незваных пришельцев с острова, но англичане в союзе с французами снова отбили их нападение.

Вырастив на Сент-Кристофере урожай табака, де Руассей и д'Эснамбюк отправились летом 1626 года во Францию. В Париже, разрекламировав плодородие и чудесный климат острова, они сумели заинтересовать ряд купцов и судовладельцев перспективой освоения

[27] *Гугеноты* – распространенное с XVI века название французских протестантов-кальвинистов.

богатой колонии на Антиллах. Сам кардинал Ришелье проявил интерес к проектам де Руассея и д'Эснамбюка.

2 октября 1626 года оба капитана получили от правительства исключительную привилегию на колонизацию Сент-Кристофера и других Малых Антильских островов. При поддержке Ришелье 31 октября того же года была организована Компания Сент-Кристофера – «для освоения и заселения островов Сент-Кристофер, Барбадос и других, расположенных у входа в Американский залив между одиннадцатым и восемнадцатым градусов [к северу] от линии экватора, которые не заняты христианскими правителями, чтобы обучить жителей названных островов католической, апостольской и римской религии, и чтобы обмениваться и торговать там продуктами и товарами, которые можно будет собирать и вывозить с названных островов и из соседних мест… во Францию… в течение двадцати лет».

Поскольку члены компании несли основные расходы по снаряжению экспедиции в Вест-Индию, они должны были получить половину всех доходов с Сент-Кристофера. Десятая часть прибылей шла в пользу д'Эснамбюка и де Руассея, столько же – в пользу короля. Интересы Левассёра были полностью проигнорированы.

Подготовка экспедиции осуществлялась в Париже и в Гавре. В Бретани Урбэн де Руассей и его брат Клод де Руассей де ла Трентьер взяли на борт паташа «Кардинал» и флибота[28] «Виктуар» соответственно 70 и 140 человек; д'Эснамбюк снарядил в Гавре свой корабль «Католик» (водоизмещением 250 тонн) и взял на его борт 322 человека. Большинство пассажиров были кабальными слугами – как правило, в эту категорию переселенцев попадали разорившиеся крестьяне и ремесленники. Кроме кабальных слуг, за море отправились наемные солдаты и миссионеры – неизбежные спутники колониальных экспедиций.

Корабли вышли в море 24 февраля 1627 года. Переход через Атлантику оказался чрезвычайно сложным и полным опасностей. В европейских водах флотилии пришлось спасаться бегством от корсаров-гугенотов из Ла-Рошели. У берегов Западной Африки два марокканских корсара обрушили на французские суда град ядер и «зажигательных бутылок». Чтобы взбодрить своих людей, капитаны устраивали на каждой стоянке военные учения – в Рио-де-Оро, на мысе Бланко, на Сан-Винсенте и у Зеленого Мыса. Результаты учений оказались впечатляющими – солдаты перестали попадать из пушек в свои корабли.

[28] *Флибот* – плоскодонное парусное судно XVI – XVII веков водоизмещением менее 100 тонн. Парусное вооружение было таким же, как у испанского галеона или голландского флейта.

Французский парусный корабль XVII века. Художник Пьер Пюже.

К месту назначения прибыли 8 мая. Чтобы избежать возможных разногласий с англичанами, решили заключить с ними договор о разделе острова. Соглашение было подписано 13 мая 1627 года. Центральная часть Сент-Кристофера осталась за англичанами; д'Эснамбюк взял во владение северную часть, или Каптер, с центром в Пуан-де-Сабле; де Руассей обосновался в южной части, где заложил современный Бастер и новый форт. В договоре имелись пункты, предусматривавшие совместные акции против индейцев и испанцев. Однако самым любопытным был пункт, согласно которому в случае войны между Англией и Францией в Европе колонии на Сент-Кристофере должны были сохранять нейтралитет.

Последующие события показали, что английские и французские колонизаторы не могли мирно сосуществовать на Сент-Кристофере. В то время как английская колония крепла и разрасталась (в 1628 году англичане колонизовали также соседний остров Невис), французская колония переживала кризис. Погрузив на корабли табак и другие товары, Руассей снова отправился во Францию за помощью – необходимо было завербовать новых переселенцев, военное снаряжение и провиант.

Взяв на борт «Кардинала» 150 пассажиров, он вернулся на Сент-Кристофер в мае 1628 года. Однако радикально улучшить состояние колонии не удалось. Воспользовавшись численным превосходством, англичане нарушили договор и захватили часть французской территории, одновременно запретив д'Эснамбюку строить укрепления в Пуан-де-Сабле.

Обиженному нормандцу пришлось ехать с жалобой к кардиналу. Ришелье, встревоженный сообщениями о чрезмерной активности англичан в Новом Свете, велел снарядить флотилию из 10 кораблей, командиром которой назначили упоминавшегося ранее сьёра[29] де Каузака. Последний, смотря по обстоятельствам, должен был либо заключить с англичанами новый договор о дружбе, либо изгнать их с Сент-Кристофера, после чего отправиться в Виргинию и разорить все тамошние поселения. Переданные де Каузаку инструкции были составлены в Гренобле 18 февраля 1629 года. Несмотря на то, что 24 апреля в Сузе между

[29] *Сьёр* – французский аналог испанского слова *сеньор* (господин, владетель).

Англией и Францией был подписан договор о мире, главная цель экспедиции осталась прежней[30].

Флотилия снаряжалась в Гавре. В это время компании оказали материальную поддержку ряд судовладельцев, в том числе Исаак де Разильи и корсар Огюст Лериси де ла Мориньер-Понпьер. К началу июня 6 больших кораблей и 4 легких судна были готовы выйти в море. «Генерал» флотилии де Каузак должен был идти на флагмане «Труа Руа»; вице-адмирал Жак Леруа-Дюмэ – на «Интенданте»; корсар из Дюнкерка капитан Жирон, известный как Куарлэ, – на «Серф Волане»; капитан Ла Птитьер – на судне «Сент-Мари»; капитан Мориньер-Понпьер – на своем корабле «Дофин»; капитан Дез Ломбар – на «Эгле»; капитан Лассиз – на «Кардинале»; капитан Эрве – на «Сент-Анне». Барка Понпьера и галиот[31] Жирона использовались в качестве транспортов.

5 июня 1629 года флотилия де Каузака покинула Гавр, имея на борту несколько сот эмигрантов из Нормандии, рекрутированных д'Эснамбюком. Совершив переход через Атлантику, во время которого французы захватили два торговых судна (одно – из Англии, другое – из Гамбурга) и потеряли несколько своих кораблей, де Каузак 21 июля подошел к Барбадосу. Английский губернатор, не получивший своевременно сообщений о заключении мира с Францией, был очень напуган, но узнав, что французы не посягают на управляемую им колонию, снабдил их всем необходимым. Через несколько дней корабли флотилии стали на якорь у южного побережья Сент-Кристофера, в Бастере. Д'Эснамбюк высадил на берег около 300 переселенцев и встретился с де Руассеем, который рассказал ему о событиях, имевших место на острове за время его отсутствия.

Появление флотилии де Каузака изменило соотношение сил на Сент-Кристофере в пользу французов. Эдварду Уорнеру, исполнявшему обязанности губернатора английской колонии, был послан ультиматум с требованием вернуть французским колонистам захваченные у них земли, но хитрый англичанин начал тянуть время, уповая на скорое прибытие из метрополии английской эскадры. Не дождавшись положительного ответа, де Каузак 2 августа 1629 года направился к английскому рейду с шестью кораблями: «Труа Руа», «Интендантом», «Эглом», «Дофином», «Нотр-Дамом» и баркой Понпьера. 31 орудие форта Чарлз и пушки пяти английских кораблей, стоявших на рейде, открыли по французской эскадре огонь. В ходе трехчасового сражения французы потеряли убитыми на адмиральском судне – 4 человека, на вице-адмиральском – 10, на «Дофине» – 29. Самой тяжелой утратой была гибель капитана Мориньер-Понпьера, ветерана многочисленных корсарских экспедиций в Вест-Индию. Тем не менее, победа осталась за французами. Из пяти английских кораблей убежать посчастливилось только одному.

На следующий день к эскадре подошла барка под белым флагом. Поднявшись на борт «Труа Руа», Уорнер заявил протест в связи с агрессивными действиями французской стороны. В ответ де Каузак еще раз потребовал, чтобы англичане ушли с захваченной ими французской территории и не мешали д'Эснамбюку укреплять Пуан-де-Сабль.

Уорнер попытался лавировать и сказал, что ему надо узнать мнение своего суверена. Но Каузак был непреклонен. На просьбу англичанина подождать пять дней французский командир ответил, что будет ждать до следующего утра.

Утром Уорнер в сопровождении нескольких офицеров снова поднялся на борт французского флагмана. Условия ультиматума были приняты. Во время завтрака повеселевший Каузак развлекал своих подчиненных и гостей анекдотами и провозглашал тосты за здоровье правящих монархов. Все это сопровождалось артиллерийским салютом. Новый договор был

---

[30] Французы придерживались принципа «нет мира за линией», то есть южнее широты Азорских островов. Соответственно, мирные договоры, заключавшиеся в ту эпоху в Европе, не действовали в колониях.

[31] Здесь – плоскодонное парусное судно голландской постройки водоизмещением 200—300 тонн. Мог иметь одну, две или три мачты.

подписан в соответствии с требованиями французской стороны, и в знак «вечной любви» к англичанам Каузак вернул им захваченные корабли.

По мнению ряда историков, французы были осведомлены об отправке в Новый Свет большой испанской армады, которая должна была уничтожить французские и английские поселения на Сент-Кристофере, и в задачу Каузака входило противодействие испанцам. Устав ждать испанские корабли, считает М. А. Пенья Батлье, Каузак ушел с острова еще до их прибытия. Вряд ли можно согласиться с данной точкой зрения. Ни французские, ни английские колонисты Сент-Кристофера не подозревали о том, что из Испании в Америку отправлен флот под командованием адмирала Фадрике де Толедо. И поражающие своей беспечностью действия, предпринятые Каузаком вскоре после подписания договора с Уорнером, свидетельствуют о том же.

11 августа Каузак поднял французский флаг на соседнем острове Синт-Эстатиус, где был заложен небольшой форт с 6 пушками, построены хижины и оставлен гарнизон из 120 человек под командованием капитана Сен-Томаса. Эскадра разделилась: капитан Жирон с одним или двумя кораблями пошел разведывать окрестные воды и острова; два или три судна были отправлены грабить испанцев; корабль «Кардинал» Каузак отослал во Францию, а два судна, «Труа Руа» и «Нотр-Дам», остались в его распоряжении на Синт-Эстатиусе.

Как уже сообщалось, большой испанский флот под командованием Фадрике де Толедо 16 сентября 1629 года подошел к острову Невис, когда там стояли на якоре 10 корсарских кораблей, принадлежавших англичанам, французам и, возможно, голландцам. Некоторые из них были захвачены. Затем, без труда подавив сопротивление английского форта, испанцы 17 сентября предъявили колонистам ультиматум: англичане должны были покинуть остров и впредь никогда там не появляться. Ультиматум был принят.

На следующий день армада подошла к Сент-Кристоферу. Кабальные слуги, испытавшие на себе все «прелести» плантационного рабства, воспользовались этим обстоятельством и бежали от своих английских и французских хозяев на испанские корабли, снабдив испанского генерала ценной информацией. Серьезного сопротивления испанцам оказано не было, если не считать партизанских действий небольшого англо-французского соединения, в составе которого отличился племянник д'Эснамбюка Диэль дю Парк. Он убил одного из испанских командиров, сам получил восемнадцать ран и был доставлен на борт галеона, где, несмотря на старания врачей, умер спустя две с половиной недели. По словам Шарлевуа, испанцы оказали ему при захоронении такие почести, «которые в Испании оказывались только самым важным персонам».

Тем временем Урбэн де Руассей со своими людьми покинул форт и бежал в Каптер к д'Эснамбюку, упрашивая последнего не оказывать испанцам сопротивления, а переехать с четырьмя сотнями колонистов на остров Антигуа. Д'Эснамбюк, опасаясь расправы, вынужден был принять это предложение. Люди спешно погрузились на борт двух кораблей капитанов Жирона и Роза, стоявших на рейде, и вышли в море. Шторм не позволил им подойти к Антигуа, отбросив на север, к острову Сен-Мартен. Здесь, остро нуждаясь в пресной воде и продовольствии, Руассей сговорился с несколькими офицерами и солдатами покинуть д'Эснамбюка и принудил капитана Роза увести его корабль «Сент-Анн» во Францию (там кардинал Ришелье обвинил Руассея в трусости и государственной измене, приказал заковать его в кандалы и посадить в Бастилию).

Появление испанской армады у острова Синт-Эстатиус заставило сьёра де Каузака 24 сентября эвакуировать с берега всех колонистов и спасаться бегством. Посетив Эспаньолу и Тортугу, о чем рассказывалось в главе 3, он увел свои корабли в Европу.

После ухода испанского флота с Сент-Кристофера капитан Жирон вернулся туда с людьми д'Эснамбюка и, как свидетельствует хроника, «насильно высадил их опять». Через

какое-то время сюда пожаловали также французы, укрывшиеся во время испанского нападения на островах Монтсеррат, Сен-Бартельми и Ангилья. Таким образом, французская колония на Сент-Кристофере была восстановлена. В 1635 году она перешла в собственность Компании островов Америки, образованной в феврале по инициативе кардинала Ришелье. В том же году сьёр д'Эснамбюк основал постоянные французские колонии на островах Мартиника и Доминика.

Скудость источников не позволяет определить, где в это время находился Левассёр. Его имя вновь «всплывает» в документах лишь в 1638 году в связи со смертью д'Эснамбюка (последний умер в 1637 году), так и не уплатившего ему долг. В регистрах Компании островов Америки записано:

«Собрание в среду 6 января 1638 года. Вышеупомянутый сьёр Берюйер представил ходатайство, поданное Компании сьёром Левассёром, в котором он рассказывает о завоевании острова Сент-Кристофер у дикарей еще до того, как Компания была образована, и о том, что сьёр д'Эснамбюк обещал возместить ему понесенные расходы, чтобы [теперь Компания] компенсировала часть его издержек; требование [Левассёра] к Компании, чтобы она позволила ему доставить на названный остров пятьдесят пассажиров, освободив от всех пошлин, полагающихся Компании».

Из этого документа видно, что в начале 1638 года Левассёр и полсотни его друзей-гугенотов находились во Франции, откуда собирались вернуться в Вест-Индию за счет Компании островов Америки. Компания порекомендовала ему взыскать долг умершего д'Эснамбюка с наследников последнего.

По всей видимости, Левассёр прибыл на Сент-Кристофер из Франции вместе с рыцарем Мальтийского ордена Филиппом де Лонвийе де Пуанси.

Командор Филипп Блондель де Лонвийе де Пуанси, шевалье ордена Святого Иоанна Иерусалимского, командор Дуазмон, шеф эскадры королевских кораблей в Бретани, по рекомендации кардинала Ришелье 15 февраля 1638 года был назначен королем Людовиком XIII губернатором Сент-Кристофера и, кроме того, генерал-лейтенантом Французских Антильских островов. Отплыв из Гавра 12 января 1639 года, он прибыл на Мартинику 11 февраля. Отдохнув там пять дней, Пуанси снова поднял паруса и прошел к острову Гваделупа, а оттуда – к конечной цели своего путешествия, Сент-Кристоферу.

Из французских источников явствует, что Левассёр был назначен командором Пуанси ответственным за состояние фортификаций на острове и способствовал их улучшению. Но поскольку ближайшие соратники губернатора – ярые католики – терпеть не могли гугенотов, они начали интриговать против Левассёра. Пуанси пришлось ждать подходящего случая, чтобы под каким-нибудь благовидным предлогом избавиться от Левассёра и его единоверцев. Такой случай подвернулся, когда к Пуанси явились беженцы с Тортуги и попросили у него поддержки в борьбе против англичан. Генерал-лейтенант предложил Левассёру выбить английских «узурпаторов» с Тортуги и стать ее губернатором.

Не исключено, что пост губернатора Тортуги рассматривался Компанией островов Америки как плата Левассёру за ту помощь, которую он в 1625 году оказал д'Эснамбюку.

Заключив с командором соглашение о равном долевом участии в предстоящей экспедиции, Левассёр посадил на борт судна полсотни верных ему людей и в конце мая или начале июня 1640 года прибыл на северное побережье Эспаньолы. Там он временно обосновался на островке Пор-Марго и в течение лета налаживал дружеские отношения с буканьерами и пиратами. В последний день августа 1640 года, получив известие о захвате англичанами французского судна, он неожиданно высадился в Кайоне и вскоре стал хозяином Тортуги.

15 ноября того же года Пуанси написал подробное сообщение о захвате Тортуги французами и отправил его в Париж руководителям Компании островов Америки.

«…Пришел корабль на [остров] Синт-Эстатиус, – читаем в мемуаре Пуанси, – который доставил известие, каким образом французы стали хозяевами Тортуги… То, что касается Тортуги, подтверждено письмами, которые Левассёр написал мне и которые содержат отчет о том, каким образом он стал ее хозяином. Однако сначала расскажу о причине, побудившей меня предпринять это предприятие.

Как-то раз некий английский капитан без официального поручения или назначения увел 300 человек своих соплеменников с соседнего острова Невис, лежащего в одном лье[32] от Сент-Кристофера; зная, что на Тортуге было около сорока французов, не имевших начальника, которые жили тихо, никого не беспокоя, он решил неожиданно навестить их. И, действительно, под предлогом дружеских намерений он высадился там на сушу. Французы, будучи слабее, приняли его благосклонно и помогали ему и всем его людям своими припасами в течение четырех месяцев, после чего, в ответ на это и вопреки правилам гостеприимства, он [английский капитан] их разоружил, вытеснил на большую землю Сен-Доменг и убивал хладнокровно. Некоторые из них, кому посчастливилось бежать, явились ко мне с жалобой; но поскольку я был не в состоянии отомстить за эти беззаконие и жестокость по отношению к моим братьям, я решил незаметно и с честью осуществить уход с этого острова названного Левассёра, так как он был приверженцем так называемой реформированной религии, и, прежде всего, купил ему небольшое судно, которое весьма кстати оказалось на нашем рейде, и велел ему… обосноваться на островке, именуемом островом Марго, который с тех пор называют [также] Убежищем… чтобы оттуда найти удобный случай захватить этого английского капитана, которого Левассёр, уже после обоснования там, отправился посетить. Он завел с ним дружбу, договорившись, чтобы быть нам друг у друга желанными гостями, и чтобы, в частности, некоторые французы, укрывшиеся на Тортуге, почитались и торговали там так же [свободно], как и англичане.

Эти добрые отношения не продлились долго, ибо через несколько дней он [английский капитан] их не только разоружил, но и продал, как рабов…

Когда Левассёр узнал об этом, он много раз посылал просьбы прекратить сии насилия, нарушавшие их соглашение. Но вместо цивилизованного ответа тот капитан сказал названному Левассёру, что он его не убоится, будь у него хоть 2000 или даже 3000 человек, и что ему откровенно плевать на его просьбы.

Еще до ухода Левассёра с этого острова я приобрел небольшое судно, которое снарядил, дабы отправить в те поселения заготовить мясо для моей семьи; по прибытии [моего судна] туда он [англичанин] без всякого повода меня унизил, захватил пушки, ручное оружие и амуницию, которые находились на судне и которые могли ему пригодиться. Будучи обиженным и зная, что сьёр Левассёр, со своей стороны, тоже был задет, я позволил ему обдумать заговор против этого губернатора и жителей и, если представится благоприятный случай, отомстить этой шельме…

Имея мой приказ, сьёр Левассёр решился захватить этого узурпатора или предать его смерти и так здорово снарядил свой отряд, что всего лишь с 49 людьми в последний день августа высадился на острове и с самого начала взял в плен этого красавца капитана; и, увидев сие, его паства разбежалась. Тем временем сьёр Левассёр захватил дом, весьма выгодно расположенный, в котором он столь прилежно забаррикадировался, что в течение семи или восьми часов держал оборону. Видя небольшое количество людей, которыми он располагал, враги объединились в намерении его атаковать; однако, утратив мужество, решили покинуть остров и отправились на Сен-Доменг. Спустя несколько дней, поразмыслив о своем малодушии и бесчестии, что им пришлось уступить столь малому числу людей, они надумали вер-

[32] *Лье* – старинная французская мера длины. Сухопутное лье равнялось 4,444 км, морское – 5,556 км.

нуться, чтобы попытаться его одолеть, и он сдерживал их осаду десять дней. Они встретили такой сильный отпор, что вынуждены были вновь позорно отступить.

Для компенсации своей потери они захватили судно Левассёра, на которое… посадили всех своих людей и отправились к острову Санта-Каталина, с давних пор заселенный англичанами, расположенный в Картахенском заливе[33], в 10 или 12 лье от материка. С тех пор они более не докучали.

С Сент-Кристофера 15 ноября 1640 года.

[Подпись] *Пуанси*».

2 декабря более лаконичный отчет о захвате Тортуги Левассёром был отправлен командором Пуанси кардиналу Ришелье. В нем он, в частности, отмечал, что сохранение Тортуги в руках французов может принести немалую пользу королю. «Это место весьма подходит для укрепления, а земля производит продукты, достаточные для того, чтобы прокормить две тысячи человек. Здесь имеется много хороших источников, гавань способна укрыть одновременно восемь кораблей по 500 тонн каждый; и если его заселить и укрепить, к чему он призывает, то его можно будет назвать настоящей цитаделью Сен-Доменга».

В письме Пуанси кардиналу есть небольшое, но существенное уточнение о численности отряда Левассёра. Генерал-лейтенант сообщает, что, помимо 49 человек экипажа, прибывших с Левассёром на Сен-Доменг, в нападении на Тортугу участвовали местные буканьеры – «всего вышло 100 человек». Дю Тертр также подтверждает, что отряд гугенотов был усилен на Эспаньоле «еще примерно сорока или пятидесятью людьми». С такими силами французы действительно могли разгромить менее подготовленных к боевым действиям английских колонистов.

Письмо Пуанси завершается указанием на то, что «в настоящее время он [Левассёр] нуждается в помощи. Ежели будет угодно Вашему Преосвященству доверить мне управление сим островом, я сделаю всё возможное для его сохранения, ожидая, когда он может понадобиться для завоевания Санто-Доминго…».

Известие о захвате Тортуги Левассёром было опубликовано кардиналом Ришелье в парижской «Gazette» 1 февраля 1641 года[34].

Неллис Мейнард Круз, крупный специалист по истории Французской Вест-Индии, является автором весьма оригинальной версии, будто Левассёр не мог захватить Тортугу в августе 1640 году. При этом Круз ссылается на документ из английского «Календаря государственных бумаг», датированный 26 декабря 1640 года, в котором капитан Джеймс все еще фигурирует как правитель острова. По мнению ученого, Левассёр сместил Джеймса в августе, но не 1640-го, а 1642 года. Эту точку зрения поддержал и другой известный исследователь вест-индской истории – Давид Марли. Странное единодушие. Видимо, ни Круз, ни Марли не знали о письме Пуанси и заметке в парижской «Gazette», однозначно указывающих на захват Тортуги французами в последний день августа 1640 года.

[33] Точнее – у берегов Никарагуа.

[34] Возможно, поэтому иезуит Ж.-Б. Лепер датировал захват Тортуги Левассёром не 1640-м, а 1641 годом.

Глава 11. Губернатор-деспот

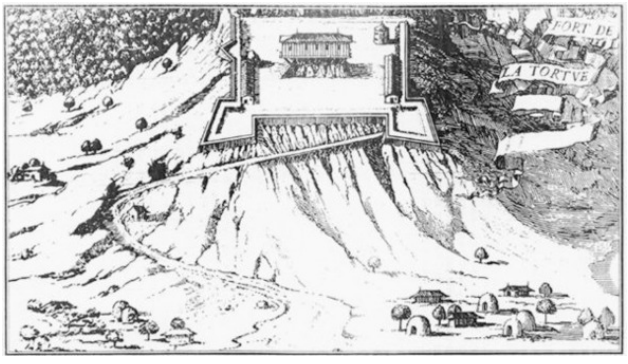
Став хозяином Тортуги, лидер гугенотов прежде всего позаботился о строительстве в 750 метрах от берега нового форта в виде неправильного пятиугольника – его возвели из камня и глиняного кирпича на естественной возвышенной площадке с крутой скалой посредине (высотой от 20 до 25 футов и диаметром около 36 футов), которая господствовала над Бастером и гаванью. Укрепление называли то фортом Ла-Рош (Скальный форт), то фортом Левассёра.

«От этого сооружения сейчас не сохранилось и следа, – сообщает ироничный Жорж Блон. – Судя по описаниям некоторых современников, оно выглядело довольно забавно. Однако, принимая во внимание обычные размеры построек XVII века, мы должны согласиться, что эта маленькая фортеция была поставлена с куда большим умом, нежели бетонные укрепления „линии Мажино“ в XX веке».

Предоставим слово такому авторитетному современнику, как Эксквемелин:

«Этот форт был неприступен, потому что на тропе, ведущей к нему, едва могли разойтись два человека. На склоне горы была пещера, которую использовали как склад оружия, а на вершине имелась удобная площадка для батареи. Губернатор приказал построить рядом с ней дом и установить там две пушки, соорудив для подъема на форт переносную лестницу, которую в случае нужды можно было убрать. На территории форта был вырыт колодец, и воды в нем хватило бы на тысячу человек. Вода поступала из родника, и, таким образом, извне колодец был совершенно недоступен».

Дю Тертр уточняет, что на площадке могли разместиться от 300 до 400 человек; на скале были выбиты ступеньки, обрывавшиеся на середине склона; вторую часть подъема на вершину скалы можно было осуществить только с помощью железной лестницы, которую убирали, когда Левассёр отходил ко сну. В основании башни-донжона, служившей губернатору жилищем и складом пороха, имелась отдушина, напоминавшая каминную трубу; по ней можно было с помощью веревки спуститься прямо на земляной вал, окружавший площадку. Упомянутый Эксквемелином родник находился у подножья скалы, и он действительно был недосягаем для врагов: его нельзя было ни повредить, ни перекрыть.



Форт Ла-Рош на Тортуге. Французская гравюра XVII века.

Пуанси, хорошо информированный о состоянии дел на Тортуге, послал туда своего племянника капитана Робера де Лонвийе и контролера Руа де Курпона де ла Вернада с 30 или 40 людьми. Они должны были основать там еще одно поселение и управлять Тортугой во время отсутствия Левассёра. Последний отбыл на Сент-Кристофер, чтобы окончательно договориться с генерал-губернатором об условиях эксплуатации колонии на Тортуге.

Соглашение, регулировавшее права командора Пуанси и сьёра Левассёра на Тортугу, было заключено 2 ноября 1641 года. Оно состояло из 13 статей и впервые было опубликовано дю Тертром в его «Всеобщей истории Антилл».

Статья 1 соглашения предусматривала свободу вероисповедания как для протестантов, так и для католиков. Следующая статья давала Левассёру право облагать налогами всех жителей острова, производивших какие-либо виды продуктов. От уплаты налогов освобождались вольнонаемные работники, а также участники завоевания острова и их слуги (статья 3). Каждый капитан, не уплачивая налог, мог владеть двенадцатью слугами, каждый лейтенант – восемью, каждый прапорщик – четырьмя, каждый сержант – двумя. Статья 5 разрешала губернатору Тортуги иметь на острове один магазин (склад) для продажи жителям необходимых им товаров, причем наценка на каждый вид товара составляла четвертую часть его стоимости. Подразумевалось, что эта четвертая часть будет идти на содержание магазина и финансирование общественных работ. Прочие расходы по снабжению Тортуги брала на себя Компания островов Америки. Статья 6 запрещала жителям частным порядком снабжать провизией заходящие в гавань корабли. Губернатор мог забрать такую провизию за полцены и поместить ее в свой магазин. В следующей статье говорилось о том, что губернатор должен содержать гарнизон острова за счет жителей, не отвлекая последних от их занятий. Статья 8 регламентировала распределение доходов от налогов и пошлин. Губернатору как королевскому комиссионеру шла десятая часть; остаток делился на две части: одна шла в пользу Компании островов Америки, другая – в пользу губернатора и офицеров. Из части, предназначенной офицерам, Левассёру причитались две трети, а генерал-лейтенанту – одна треть. Прапорщика и трех сержантов надлежало поощрить подарками. Еще одна статья предусматривала обязательство разводить скот в долине Ла-Плэн (колонисты могли бы кормиться мясом этих животных в случае бегства при нападении неприятеля). Согласно статье 11, Левассёр должен был построить дома и форты в местах, наиболее удобных для защиты острова. Расходы по добыче ценной древесины, соли и других природных богатств Тортуги возлагались на колонистов (статья 12). Все покупаемые товары, скот, а также рабы должны были фиксироваться в книгах отчетности (статья 13). Договор был составлен в трех экземплярах и подписан в гостинице «Ла Монтань» на острове Сент-Кристофер в присутствии нотариуса Симона де Мерля – секретаря генерал-лейтенанта.

Вернувшись на Тортугу, Левассёр вскоре перестал подчиняться и командору Пуанси, и Компании островов Америки. На предложение директоров последней прислать на остров подкрепления он в октябре 1642 года ответил им, что «весьма укрепил себя, снабдил пушками, оружием и амуницией, которые дал этому острову сам Господь, и, видимо, больше не нуждается в людях для его сохранения».

Состояние фортификаций, возведенных Левассёром, было проверено во время испанского нападения в 1643 году. По данным дю Тертра, испанская экспедиция состояла из шести кораблей и барок и 600 солдат, не считая матросов[35]; Эксквемелин определил численность нападавших в 800 человек.

Когда испанцы, не подозревая о силах защитников острова, появились на рейде Бастера, им позволили беспрепятственно высадиться на берег. Но когда солдаты приблизились к укреплению на горе, французы встретили их сильным артиллерийским огнем. Отстреливаясь, испанцы в беспорядке отступили к своим шлюпкам, снова погрузились на корабли и вышли в открытое море. Там, посовещавшись, они решили высадить десант в двух лигах к западу от Бастера, в Кайоне. Левассёр вновь не стал препятствовать высадке вражеского десанта, укрыв своих людей на подступах к форту. Согласно версии Шарлевуа, испанцы, развивая наступление, натолкнулись на засаду и во время боя потеряли двести

[35] Эти же данные приводит Ж.-Б. Лепер.

человек (дю Тертр пишет, что они «потеряли более сотни человек»). Те, кто уцелел, в панике бежали на свои суда и на следующий день уплыли прочь от Тортуги.

Свою версию случившегося приводит и Эксквемелин:

«Губернатор приказал срубить вокруг… все деревья, чтобы лучше видеть врагов. Испанцы поняли, что без пушек им форта не взять, и принялись совещаться, как быть дальше. Поскольку все высокие деревья, окружавшие форт, были срублены, открылась возможность обстрелять его с соседней горы. Испанцы отплыли от берега и через некоторое время втащили пушки на эту гору. Гора была довольно высокая, и с ее вершины виден был весь остров. Склоны горы были крутыми и обрывистыми, взобраться наверх было очень трудно. Как это удалось испанцам, я расскажу ниже.

Испанцы привезли много рабов и слуг, среди которых были метисы, или полукровки, и индейцы. Они-то и должны были проложить путь через скалы, чтобы доставить пушки на вершину и устроить батарею, которая открыла бы огонь по форту и принудила французов сдаться. Но как только испанцы принялись за дело, французы нашли способ отбить пушки. Ночью на Тортуге высадились охотники и пираты и тайком взобрались на вершину горы по ее северному склону. К таким делам они были вполне привычны. Испанцы с большим трудом все же втащили пушки на гору, рассчитывая обстрелять форт на следующий день. Они не подозревали о вылазке французов. Но утром (а к тому времени они привели пушки в порядок) французы неожиданно напали на них с тыла и многих из них сбросили с горы. Ни один из испанцев не уцелел, все переломали себе шеи и ноги. Остальных французы тоже перебили без всякой пощады. Те испанцы, которые остались на берегу, поняли, что произошло нечто ужасное, и тут же отплыли и больше уже не пытались захватить остров».

Справедливости ради отметим, что ряд исследователей отрицает возможность испанского нападения на Тортугу в 1643 году, поскольку в испанских архивах не обнаружено документов, подтверждающих это. Информация Жоржа Блона о том, что испанцы в 1645 году на пяти галеонах с 600 солдатами пытались захватить Тортугу, также не подтверждается источниками.

Укрепив свою власть на Тортуге, Левассёр превратился в настоящего деспота. Если верить дю Тертру и Шарлевуа, он обложил колонистов непосильными налогами и повинностями и управлял островом «скорее как король, нежели как губернатор». Католики были подвергнуты жестоким преследованиям, их часовня сожжена, а священник изгнан. Отец Марк, монах-капуцин из Анжера, проплывавший на судне мимо Тортуги и вынужденный укрыться в ее гавани из-за шторма, тоже был изгнан. Превратив Тортугу в оплот протестантов, Левассёр начал бросать неугодных ему людей в темницу, имевшуюся в башне форта. Эта темница называлась «Чистилищем». В ней находилась железная дыба, на которой узников пытали, подвешивая за голову, руки и ноги. Она называлась «Адом». От тирании Левассёра в конце концов пострадал даже протестантский пастор Шарль де Рошфор (автор знаменитой «Естественной и духовной истории Антильских островов Америки»), который поссорился с губернатором и едва избежал знакомства с его «адской машиной».

Желая избавиться от Левассёра, превратившего Тортугу в «маленькую Женеву» (то есть оплот кальвинизма), директора Компании островов Америки на своем заседании 2 марта 1643 года (или, по данным Моро де Сент-Мери, 2 марта 1644 года) постановили рекомендовать господину де Пуанси «неожиданно захватить Левассёра на острове Тортуга», а сам остров забрать в ленное владение командора. Последний решил передать управление островом своему племяннику и ближайшему помощнику Роберу Блонделю де Лонвийе де Пуанси. Весной того же года Робер де Лонвийе и контролер де ла Вернад отправились на Тортугу, намереваясь заманить Левассёра на Сент-Кристофер. Однако губернатор-гугенот держал ухо востро и не дал себя одурачить. Приглашение командора посетить Сент-Кристофер, чтобы «получить там подкрепления» для основания крупной колонии на Сен-

Доменге (т.е. на Гаити, а именно – в его западной части), он вежливо отклонил, сославшись на то, что в его отсутствие испанцы могут вновь неожиданно напасть на Тортугу и истребить всех жителей. В итоге посланцы Пуанси вынуждены были уехать из Бастера ни с чем.

Наряду с репутацией «гнезда протестантов», Тортуга укрепила также свой статус крупной пиратской базы, интерес к которой со стороны морских разбойников различных национальностей особенно возрос после уничтожения испанцами английской базы на Провиденсе (май 1641 года). Левассёр от своего имени стал выдавать флибустьерам корсарские свидетельства на право грабежа испанских судов и поселений в Америке, получая за это определенную мзду. Не случайно дю Тертр отмечал, что пираты Тортуги, «захватывая у испанцев богатые призы, смогли быстро обогатить как жителей, так и губернатора».

О пиратских акциях, совершавшихся ловцами удачи с Тортуги в 40-е и начале 50-х годов XVII века, сохранились лишь отрывочные сведения. Так, в 1648 году некий отряд флибустьеров высадился на побережье Эспаньолы и ограбил испанское поселение Асуа. В том же году, в июне, английские пираты под командованием капитана Абрахама (возможно, Абрахама Блауфелта) разорили городок Саламанка-де-Бакалар (ныне город Бакалар, штат Кинтана-Роо) на Юкатане. Похищенных женщин они высадили на необитаемом островке у побережья, откуда позже их забрал объединенный испано-индейский отряд милиции под командованием капитана Бартоломе Паломино.

В конце августа 1648 года французский капитан Робер Мартэн, пользовавшийся особым доверием Левассёра и получивший от него каперскую грамоту, захватил в районе Гаваны два испанских приза с грузом какао. В ответ кубинский губернатор дон Диего де Вильяльба-и-Толедо, рыцарь ордена Сантьяго, приказал реквизировать два частных галеона, обеспечить их солдатами и пушками и отправить на поиски корсара. Увы, оба галеона сели на мель, и для их спасения пришлось снаряжать в Гаване специальную спасательную команду. Тем временем Мартэн в конце ноября прибыл в Ла-Рошель, где попытался продать свою добычу. Однако власти города признали его призы незаконными и конфисковали их.

В течение 1651 года в Карибском море и Мексиканском заливе промышлял другой капитан из Ла-Рошели – Матурэн Габаре, командовавший 30-пушечным кораблем «Феникс» (водоизмещение – 350 тонн). Самый значительный приз был взят им в районе Санта-Марты, причем в память об этом событии местные жители назвали одну из бухт «заливом Габаре». Посетив Канаду (где, возможно, он сбыл часть добычи), Габаре снова вышел в море; в родной порт он вернулся лишь в октябре 1652 года.

Примерно в это же время в Вест-Индии корсарствовали французские капитаны Моисей Воклен, Жером Огюстен де Больё, Жоб Форан и Филип Бекель, а также кубинец Диего. Воклен прославился тем, что, начиная с середины 40-х годов XVII века, охотился не только за испанскими торговыми судами в Карибском море, но и предпринимал неоднократные попытки найти сокровища галеона «Нуэстра Сеньора де ла Пура-и-Лимпиа Консепсьон», затонувшего к северу от Эспаньолы (на рифах Лос-Абреохос, ныне – Серебряная банка) во время осеннего урагана 1641 года.

26 мая 1651 года неизвестный отряд пиратов с Тортуги атаковал порт Сан-Кристобаль-де-Альварадо, расположенный в устье реки Альварадо, недалеко от Веракруса (согласно данным Давида Марли, этот отряд возглавлял упоминавшийся выше французский капитан Матурэн Габаре). Сохранились свидетельские показания нескольких человек, ставших жертвами этого нападения. Так, по свидетельству лиценциата[36] Франсиско Гуттьереса де Эстрады, викария[37] Альварадо, шайка флибустьеров состояла из французов и гол-

[36] *Лиценциат* – ученая степень в европейских университетах, дававшая право читать лекции еще до получения докторской степени.

[37] *Викарий* – епископ, не имеющий своей епархии и помогающий в управлении епархиальному епископу.

ландцев. Каждый из них имел при себе большое охотничье ружье с двенадцатью зарядами в патронташе и два-три пистолета. Пираты, прибывшие в гавань на небольшой барке, за час до рассвета осуществили внезапную высадку на берег, убили в стычке десять испанцев и столько же ранили. Затем они ограбили дома горожан и приходскую церковь, «ничего там не оставив для проведения мессы», после чего, прихватив несколько заложников и стоявшее в порту испанское судно, ушли с наступлением прилива в открытое море. Викарий оценил стоимость похищенных церковных сокровищ и прочих вещей в 12 тыс. песо. Он добавил, что пираты обещали «вернуться с тысячью человек, чтобы взять названный порт и отсюда идти захватывать и грабить Веракрус».

Другой свидетель, Хосе де Мора, подтвердил слова викария, уточнив, что флибустьеры унесли из церкви серебра на 4 тыс. песо.

Третий свидетель, плотник Хуан Фернандес, определил численность шайки в двадцать пять человек. Он добавил, что флибустьеры расспрашивали его о гавани Сан-Хуан-де-Улуа, о том, сколько судов она может вместить, а также об испанских фортификациях и военном снаряжении. Из показаний свидетелей следовало, что французы и голландцы планировали в недалеком будущем осуществить нападение на Веракрус. Но в действительности такое нападение будет предпринято ими лишь через тридцать два года.

В июле – начале августа 1651 года флотилия французских корсаров, используя в качестве лоцмана испанского авантюриста дона Педро Веласа де Медрано, неожиданно напала на венесуэльский порт Ла-Гуайра, сожгла в поселении дома и ограбила у побережья несколько каботажных судов.

В январе 1652 года флибустьеры во главе с Робером Мартэном захватили кубинский портовый город Баракоа, в котором хозяйничали до февраля, предав огню дома и цитадель.

28 мая того же года неизвестный отряд из приблизительно тридцати французских и английских пиратов ограбил на побережье Мексиканского залива селение Минсапа. Примерно в это же время капитан Диего разорил на восточном побережье Юкатана город Саламанка-де-Бакалар, а шайка капитана Мартэна опустошила несколько индейских деревень на берегах залива Кампече (все пленные были доставлены разбойниками на Тортугу и проданы там в рабство).

В исторических анналах сохранился забавный анекдот, связанный с губернатором Тортуги, пиратами и командором Пуанси. Как-то раз Левассёр приобрел у флибустьеров статую девы Марии, отлитую из чистого серебра. Узнав об этом, Пуанси решил, что она могла бы украсить его часовню, и попросил губернатора Тортуги подарить ему столь ценный трофей. Свою просьбу он подкрепил ссылкой на то, что протестантам не полагается пользоваться католическими реликвиями. В ответ Левассёр погрузил на корабль и отправил на Сент-Кристофер… деревянную копию статуи. В сопроводительном письме он объяснил, что католики – люди духовные и не придают значения материальным ценностям, тогда как он отдает предпочтение презренному металлу и посему остается с серебром.

Пуанси счел себя оскорбленным и поклялся разделаться с обнаглевшим гугенотом. Сделать это он решил с помощью своего собрата по Мальтийскому ордену шевалье де Фонтенэ.

Глава 12. Мальтийский рыцарь – правитель Тортуги

Тимолеон Отман де Фонтенэ, которого Жорж Блон ошибочно именует Анри де Фонтенэ, был выходцем из знатной дворянской семьи, сыном казначея Франции. Вступив в 1631 году в ряды Мальтийского ордена, он долгое время служил корсаром на Средиземном море и 28 сентября 1644 года отличился в битве с турецким флотом близ острова Родос. В результате одержанной победы мальтийским рыцарям удалось пленить одну из жен султана и ее малолетнего сына Османа.

10 февраля 1650 года, командуя фрегатом «Луиза», стоявшим на якоре у острова Джерси в Ла-Манше, он получил у находившегося там в изгнании принца Уэльсского (будущего короля Карла II Стюарта) каперское свидетельство с разрешением нападать на суда сторонников парламента.

Весной 1652 года шевалье де Фонтенэ прибыл на остров Сент-Кристофер на 22-пушечном фрегате. Мальтийский рыцарь рассчитывал, что сможет найти здесь людей для пополнения своего экипажа, сильно поредевшего после сражения с двумя испанскими кораблями у островов Гомера и Санта-Крус. Пуанси неожиданно предложил собрату по ордену выгодное дельце: нужно было отправиться на остров Тортугу и сместить тамошнего губернатора-гугенота Левассёра, переставшего подчиняться приказам генерал-губернатора.

29 мая того же года между губернатором Сент-Кристофера и шевалье де Фонтенэ было заключено соглашение следующего содержания:

«Господин шевалье де Лувийе Пуанси из ордена Святого Иоанна Иерусалимского, советник короля в его Советах, генерал его величества на островах Америки, сеньор и собственник Сент-Кристофера и прочих из этих [островов], находящихся в подветренной стороне, и шевалье де Фонтенэ пожелали заключить союз ради служения королю и увеличения французских колоний, а также для укрощения дерзостей, происходящих от господина Левассёра, назначившего себя губернатором острова Тортуга без официального признания как его самого, так и капитанов кораблей, которым он выдал каперское поручение от своего имени без санкции какой-либо власти.

Мы сообща решили, что призы тех судов, которые находятся в море, следует описать… как и тех, что находятся на рейде названного острова Тортуга, когда господин шевалье де Фонтенэ вступит там в полное владение, затем оценить пошлины, которые обычно взимаются за корсарское поручение; из тех пошлин синьор генерал-губернатор передаст и вручит половину дохода господину шевалье, а другую половину господин шевалье отдаст в пользу господина генерала.

Что касается земли, господин генерал согласен, чтобы господин шевалье взял во владение место, именуемое Ла-Рош или, иначе – убежище Тортуги, жилище Левассёра, и чтобы он сделал все необходимое, что пойдет на пользу службе королю и на укрепление власти господина генерала.

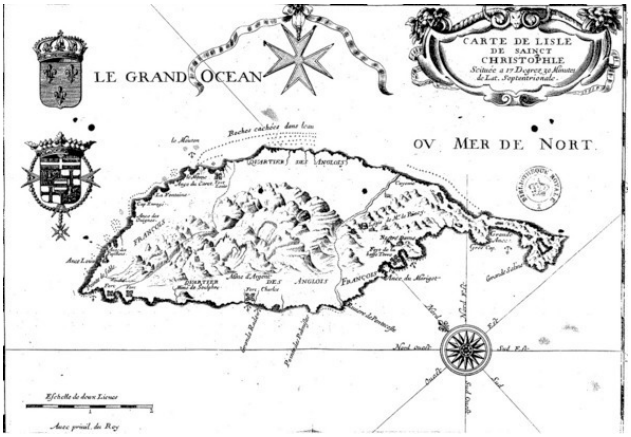
Что касается распоряжения и пользования землями острова Тортуга, названный шевалье будет владельцем половины их столь долго, сколь Господь отпустит ему жизни, проявляя заботу о продлении ее ради службы королю, ордену Святого Иоанна Иерусалимского и наших добрых отношений; он будет распоряжаться на месте всем, отдавая господину генерал-губернатору половину доходов, а также налогами, которые обычно платят жители острова и которые равняются ста фунтам табака с человека, и эти налоги мы отдаем в распоряжение господина шевалье…

Что касается артиллерии, равно как и всех видов военного снаряжения, следует сделать тщательную и надлежащим образом оформленную опись, чтобы одну копию вручить господину де Тревалю для передачи господину генералу, а другую оставить у господина шевалье; также [сделать опись] всего того, что находится на их складах, а также на судах и кораблях, принадлежащих господину Левассёру, и вообще всего движимого и недвижимого имущества, которое ему принадлежит.

Что касается захваченного у Левассёра, то мы согласны, чтобы всё его добро – серебро в любом виде, в брусках ли, в монете ли, драгоценные камни, сокровища, земли, сахарные машины, аппарат по изготовлению водки, мебель, принадлежащая лично ему или его семье, рабы и вообще всё, что у него есть и чем он владеет, – было разделено на две части, а именно: одну – для господина генерала, другую – для шевалье де Фонтенэ, за исключением того, что необходимо для работ и мануфактуры, уже имеющихся на острове.

Наконец, решено, что после захвата самого Левассёра господин шевалье соберет информацию обо всех преступлениях, совершенных господином Левассёром, и что сия подробная информация будет точно скопирована и надлежащим образом оформлена, а копия также отправлена господину генерал-губернатору.

В том случае, если господин шевалье умрет, управление островом перейдет к господину генералу или к тому, кто наследует ему в качестве собственника острова… Составлено в городе Бастере на острове Сент-Кристофер двадцать девятого мая 1652 года».



Остров Сент-Кристофер на французской карте XVII века.

За выполнением договора должен был следить один из племянников Пуанси – господин де Треваль, назначенный инспектором 20 июля 1652 года.

Задуманная операция готовилась в глубочайшем секрете. Был пущен слух о том, что шевалье набирает людей для крейсерства против испанского торгового судоходства в районе Картахены, и никто из членов команды не догадывался, что экспедиция своей конечной целью имела захват Тортуги. Встреча с фрегатом де Треваля должна была состояться на северном побережье Эспаньолы, в укромном месте, находившемся почти напротив Тортуги и называвшемся Пор-а-Лекю.

Фонтенэ отплыл с Сент-Кристофера летом того же года. Как и предусматривалось, сначала он отправился к побережью Новой Гранады, где в районе Картахены было взято несколько испанских призов. Потом корабль шевалье пошел в воды Эспаньолы, где объединился с фрегатом де Треваля. Здесь Фонтенэ и его компаньон неожиданно узнали о том, что Левассёр был убит двумя своими ближайшими помощниками. Один из них, Тибо, содержал красивую девицу, за связь с которой губернатор часто его упрекал и бранил. Возненавидев своего опекуна, Тибо сговорился с другим любимцем Левассёра, капитаном Робером

Мартэном, убить его. При этом заговорщики надеялись, что король охотно дарует им амнистию за их преступление, и все имущество Левассёра, а также управление островом перейдет к ним.

Однажды утром, сообщает дю Тертр, когда губернатор спустился с форта в свой магазин, Тибо и Мартэн вместе с группой заговорщиков из семи или восьми человек решили покончить с ним. Подкравшись к окну, они увидели отражение Левассёра в большом зеркале и по ошибке произвели в него несколько выстрелов из мушкетонов. Зеркало разлетелось вдребезги, но губернатор не пострадал. Тогда Тибо вбежал в магазин и выстрелил еще раз – на сей раз в своего опекуна. Левассёр, получив легкое ранение, бросился было к своему негру-рабу, который нес его шпагу, однако воспользоваться ею не успел. Тибо выхватил кинжал и ударил им губернатора в спину. Истекая кровью, Левассёр повернулся лицом к своему убийце и, не веря своим глазам, прошептал: «Так это ты, Тибо, убил меня?»

Получив известие о смерти Левассёра, шевалье де Фонтенэ и сьёр де Треваль поспешили к Тортуге. Но когда их суда появились на рейде Бастера, из форта Ла-Рош по ним был открыт сильный артиллерийский огонь. Отойдя на безопасное расстояние, корабли Фонтенэ и Треваля переместились в подветренную сторону, на рейд Кайона, и там высадили на берег десант из примерно пятисот человек. Когда убийцы Левассёра поняли, что население острова не собирается защищать их, они договарились с Фонтенэ о сдаче форта Ла-Рош при условии, что следствия по делу об убийстве губернатора-гугенота вестись не будет, и им позволят спокойно владеть имуществом, унаследованным ими от покойного.

Вступив во владение островом, Фонтенэ объявил себя «королевским губернатором Тортуги и Берега Сен-Доменг», восстановил права католиков и отстроил часовню, в которой капеллан впервые после долгого перерыва провел торжественную мессу. Шевалье позаботился и о возведении на южной стороне форта двух новых бастионов, благодаря чему Бастер превратился в одну из самых защищенных французских гаваней в Америке. Это позволило, во-первых, привлечь на остров новые отряды буканьеров и пиратов, а во-вторых, обезопасить торговлю с заезжими негоциантами. Ближайшим помощником губернатора стал его восемнадцатилетний брат Тома – человек мужественный, ладно скроенный и «храбрый, как Цезарь».

Подобно прочим рыцарям, Фонтенэ считал грабеж почетным занятием и по этой причине проявлял несравненно более высокий интерес к снаряжению разбойничьих кораблей, чем его предшественник. В это время, по словам Шарлевуа, «Тортуга сделалась вместилищем всех корсаров, и число этих пенителей моря росло с каждым днем». Иногда шевалье отправлял в крейсерство и свой 22-пушечный фрегат, которым командовал его заместитель. Поскольку франко-испанская война, начавшаяся в 1635 году, была в самом разгаре, любые антииспанские грабительские экспедиции можно было рассматривать как вполне законные каперские предприятия.

По данным Жоржа Блона (нуждающимся, впрочем, в перепроверке) и ряда других авторов, из депеш, поступавших в адрес губернатора Кубы в 1652 году, вырисовывалась весьма удручающая картина разбойничьих акций: так, нападению подверглись два галеона, направлявшиеся из Пуэрто-Бельо в Гавану; «серебряный флот», перевозивший американские сокровища в метрополию, был атакован пиратами недалеко от гавани Пуэрто-Плата (Эспаньола), при этом три галеона были захвачены, а один подожжен; отряд флибустьеров, высадившийся на мысе Исабела на северном побережье Эспаньолы, проник во внутренние районы острова и разорил селение Консепсьон-де-ла-Вега; другой отряд пиратов захватил все товары, выставленные на рынке в селении Барранкилья (в устье реки Магдалена, недалеко от Картахены); два разбойничьих судна, экипажи которых состояли из негров под командованием белых, ограбили галеон на пути между Картахеной и Пуэрто-Бельо.

В конце августа того же года французские флибустьеры захватили кубинский город Сан-Хуан-де-лос-Ремедьос, ограбили сокровищницу в местной церкви, подвергли горожан пыткам и всех, кто не смог убежать (в основном стариков и женщин), отвезли на Тортугу, чтобы позже получить за них выкуп.

В самой гавани Тортуги некий капитан Больё из Руана (возможно, Франсуа Больё, брат известного корсара Жерома Огюстэна де Больё) перехватил у своих же соотечественников английский приз, взятый ими несколько ранее возле острова Гренада. При этом, оправдывая свои действия перед губернатором Фонтенэ, Больё заявил, что у «бандитов» с Гренады не было каперского свидетельства и, следовательно, они действовали как обычные пираты.

Глава 13. Кабальеро против шевалье

В 1653 году каперские свидетельства от шевалье де Фонтенэ получили не менее семи судов: два английских, два фламандских, два французских и бригантина под командованием кубинца Диего. Все эти суда были небольшими маневренными парусниками, способными действовать в прибрежных районах, на мелководье. Каждый из них нес не более двенадцати (в основном вертлюжных) пушек.

Губернатор Санто-Доминго дон Хуан Франсиско Монтемайор Кордова де Куэнка писал королю, что французские и английские пираты, не довольствуясь поставками мяса, шкур и фруктов с северного побережья Эспаньолы, постоянно «ходят грабить имения и торговые корабли». По его данным, в 1653 году Тортугу покинули в общей сложности 23 пиратских судна, отправившихся на промысел к берегам Эспаньолы, Кубы, Ямайки, Новой Испании, Панамы и Новой Гранады. Одна из пиратских шаек, проникнув во внутренние районы Никарагуа, ограбила и сожгла город Нуэва-Сеговия (современный Окоталь).

Встревоженные активизацией флибустьерства в Карибском бассейне, власти Санто-Доминго осенью того же года собрали военный совет, на котором было решено предпринять карательную экспедицию против Тортуги (Жорж Блон ошибочно посчитал, что экспедиция снаряжалась в Гаване). Согласно «Краткому сообщению о возврате острова Тортуга, который защищали вооруженные силы Франции и которым управлял г-н Тималеон де Фонтенэ, рыцарь ордена Святого Иоанна» (издано в Мадриде в 1654 году), 5 ноября городской совет Санто-Доминго взял на себя все расходы по снаряжению пяти кораблей и формированию батальона пехоты из 180 солдат и 500 волонтеров. Во главе экспедиции был поставлен капитан дон Габриэль де Рохас Валье-и-Фигероа; его заместителем, командующим флотилии и пехотинцами стал кавалер ордена Сантьяго дон Хуан Морфа Херальдино; сержант-майором и капитаном одной из рот назначили дона Бальтасара Кальдерона-и-Эспиносу; капитанами – дона Антонио Ортиса де Сандоваля, дона Гаспара де Кастро Ривера и дона Лопе де лас Мариньяса; отряды волонтеров, которые должны были двинуться по суше, возглавили дон Хуан де ла Парра Солано, Гонсало Фрагосо и дон Франсиско Муньос Васкес; им помогали капитан артиллерии, адъютанты, прапорщики, капелланы, лейтенанты (заместители) королевских офицеров, комиссар продовольствия и прочие младшие командиры.

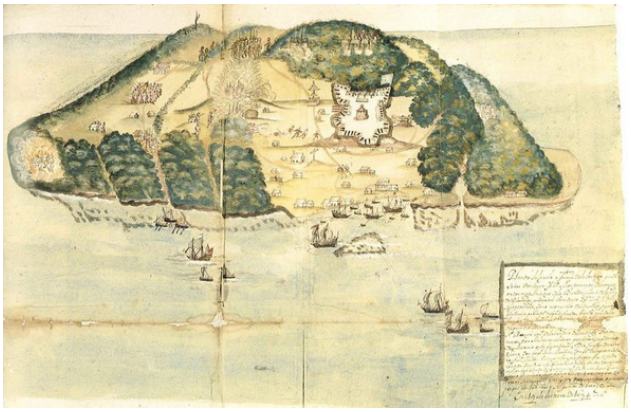
4 декабря 1653 года испанские корабли подняли паруса и взяли курс на Пуэрто-Плату, но в открытом море на них обрушился шторм: два судна были выброшены на мель, одно пропало без вести; к месту назначения 20 декабря смогли добраться лишь два потрепанных парусника – *капитана* (т.е. флагман) и *альмиранта* (вице-адмиральский). Когда Монтемайор узнал об этом несчастье, он отправил в Пуэрто-Плату депешу, в которой приказывал капитанам двух уцелевших судов – Педро Гарсия де Моралесу и Алонсо де Куэвасу – принять на борт пехотинцев и идти в гавань Байаха на соединение с основными силами экспедиции. Однако Моралес и Куэвас не смогли выполнить приказ губернатора и вернулись в Санто-Доминго. Здесь корабли были отремонтированы и снабжены свежим провиантом; вечером 30 декабря они снова вышли в море и взяли курс на северное побережье острова.

В районе гавани Монте-Кристо испанцы заметили три барки французских буканьеров, на захват которых был послан самый быстроходный фрегат. Разбойники не стали ввязываться в драку и, высадившись на берег, скрылись в лесной чаще. Присоединив к экспедиции трофейные суда, Габриэль де Рохас велел идти к Тортуге.

Шевалье де Фонтенэ был предупрежден о приближении испанской карательной экспедиции заранее; тревожное известие принес один из буканьеров, охотившийся на северном побережье Эспаньолы, в районе залива Самана. Поскольку значительная часть боеспособных обитателей Тортуги в это время рыскала по просторам Карибского моря в поисках

добычи, губернатору пришлось срочно заняться военной подготовкой ополченцев. Людей учили стрелять из пушек и мушкетов и бросать снабженные фитилями гранаты. В ходе этих тренировок серьезно пострадал убийца Левассёра Тибо. По сообщению дю Тертра, когда он собирался метнуть гранату, рука его вдруг онемела. Раздался взрыв, в результате которого несчастный лишился кисти правой руки. В ужасе осознав, что таким необычным способом сам Господь наказывает его за совершенное ранее преступление, Тибо упал в обморок.

6 января испанская флотилия стала на рейде Бастера и тотчас попала под артиллерийский огонь со стороны форта. В то же время на пляж высыпал отряд из 50 или 60 стрелков под командованием Тома де Фонтенэ. Не рискнув атаковать Бастер, испанские суда переместились в подветренную сторону – на рейд Кайона. Там под прикрытием корабельных орудий на берег был высажен десант, который вступил в перестрелку с отрядом брата губернатора, обратил его в бегство и овладел Кайоном.



Нападение испанцев на Тортугу. Карта XVII века.

Укрепившись в поселке, Рохас и Морфа разбили лагерь у подножья крутого холма, на вершине которого было решено установить батарею и начать обстрел цитадели Тортуги – крепости Ла-Рош. Пятнадцать разведчиков поднялись на самый верх и обнаружили там усадьбу, в которой укрылся небольшой отряд французских мушкетеров. Чтобы выкурить их с этой стратегически удобной позиции, испанцы подожгли несколько домов и хозяйственных построек и, дождавшись подкреплений, взяли усадьбу штурмом. С помощью рабов сюда втащили восемь или десять орудий и устроили батарею, с которой вскоре был открыт огонь по французскому форту.

Чтобы обезопасить себя с этой стороны, шевалье де Фонтенэ ночью велел своим людям соорудить бруствер, состоявший из двух рядов бревен, пространство между которыми заполнили землей. Под его защитой французы почувствовали себя более уверенно. Испанцы же, убедившись, что огонь их батареи стал неэффективным, решили переместить пушки на соседний холм и уже оттуда продолжить обстрел французских укреплений.

Желая получить точные сведения о силе неприятеля, шевалье пообещал награду в тысячу песо тому, кто рискнет отправиться на разведку. Вечером 13 января четыре смельчака, прикрываемые отрядом из 30 аркебузиров под командованием Тома де Фонтенэ, выскользнули за ворота форта и попытались скрытно проникнуть в испанский лагерь, но были замечены часовыми. Один из французов был убит ударом копья, другой тяжело ранен, а двое оставшихся взяты в плен. На допросе, опасаясь за свои жизни, они выложили Рохасу все, что знали о системе укреплений на острове и боеспособности защитников форта. Дю Тертр, описывая эту ночную вылазку французов, отмечает, что она закончилась фиаско из-за предательства раба-перебежчика, который предупредил испанцев о готовившейся операции. В то же время упомянутый автор не устает расхваливать смелость младшего брата

губернатора, который в ходе этой вылазки умудрился поджечь пороховой склад неприятеля. По его словам, отступая, французы «убили в этом сражении 16 испанцев, потеряв лишь одного человека убитым, а другого раненым» (испанские данные не подтверждают этого).

Огонь испанской батареи, установленной на другом холме, внес сумятицу в ряды защитников цитадели. Многие колонисты, укрывшиеся за стенами форта, готовы были сложить оружие и капитулировать. Тогда шевалье заставил их принести новую присягу на верность королю Франции. Кроме того, еще один отряд численностью до пятидесяти солдат был выслан ночью на захват вражеской батареи (правда, заблудившись в лесу, он вынужден был вернуться ни с чем). Наконец, чтобы ввести испанцев в заблуждение относительно сил, имевшихся в его распоряжении, Фонтенэ приказал устроить ложный салют из всех пушек и мушкетов, каким в ту эпоху обычно встречали прибытие подкреплений. Но эта хитрость не сработала, поскольку еще один перебежчик рассказал испанцам об истинном положении вещей в форте. Он также сообщил, что многие колонисты горят желанием побыстрее сдаться и даже готовы расправиться с шевалье де Фонтенэ и его братом.

Действительно, один из недовольных, некий Ноэль Бедель, явился с группой сообщников к губернатору и заявил, что, по их мнению, дальнейшее сопротивление бессмысленно. В ответ шевалье выхватил пистолет и выстрелил в Беделя со словами: «А, предатель! Если я и сдам крепость, то тебе не придется возрадоваться появлению врага». Затем он набросился на других малодушных колонистов, потребовав от них убрать свое оружие и немедленно вернуться на боевые посты. Поджав хвосты, «представители общественности» покорно ретировались.

Подобная решительность губернатора лишь на короткое время усмирила тех, кто готов был взбунтоваться. На следующий день волнения усилились, а ночью кто-то подло произвел три мушкетных выстрела из-за угла в Тома де Фонтенэ, когда тот совершал обход постов. Хотя молодой человек не пострадал, один из стрелявших сбежал к испанцам и заявил им, что убил брата губернатора.

Испанский военачальник отправил к шевалье своего барабанщика, чтобы проверить, правду ли сказал ему перебежчик, а заодно вручить Фонтенэ письмо, в котором предлагал ему сдаться на почетных условиях. Он пообещал беспрепятственно отпустить всех французов на родину, а англичан пригласил перейти на испанскую службу. Фонтенэ ответил, что не может изменить своему долгу и, «имея приказ своего короля о защите этого форта, будет решительно сражаться до самой смерти».

Военные действия возобновились. На следующую ночь Габриэль де Рохас велел Хуану де Морфе взять 150 *лансерос* и аркебузиров, вернуться в гавань и проверить состояние дел на кораблях. Две испанские ланчи[38], посланные Морфой на рейд Бастера, захватили там фрегат неприятеля и привели его в Кайонскую гавань.

Утром 17 января сильный испанский отряд двинулся по пляжу в сторону форта. Одновременно батарея, установленная на холме, продолжила обстрел башни и четырех бастионов пиратской цитадели.

18 января в 10 часов утра шевалье де Фонтенэ, опасаясь бунта, вынужден был прислать в испанский лагерь парламентера, который сообщил о готовности французов сдаться. Для обсуждения условий капитуляции в форт был отправлен капитан Томас де Кастро. В воскресенье 19 января между Рохасом и Фонтенэ было подписано соглашение, по которому французы обязались навсегда покинуть форт и остров, а испанцы – предоставить в их распоряжение два фрегата, тридцать рабов и двухмесячный запас провизии.

В понедельник 20 января Хуан де Морфа и Бальтасар Кальдерон во главе двухсот солдат прибыли к воротам форта и торжественно вошли внутрь, неся знамена его католического

[38] *Ланча* – большая испанская лодка, баркас или баркалона.

величества. Фонтенэ сдал форт, после чего с примерно 330 колонистами, их семьями, рабами и 25 солдатами гарнизона, которым разрешили взять с собой заряженное оружие, проследовал на берег. Ему вручили паспорт, действительный в течение трех месяцев; имея на руках этот документ, он мог в случае непогоды или недостатка провизии зайти в любой испанский порт в Вест-Индии и получить необходимую помощь, после чего плыть во Францию.

Дон Габриэль де Рохас оставил заложниками брата губернатора, Тома де Фонтенэ, и одного капитана, разрешив всем прочим французам и англичанам – а их насчитывалось более пятисот человек – покинуть остров на двух разбитых судах, севших на мель напротив форта. Поскольку ремонт этих парусников затянулся, испанцы начали нервничать, а затем заявили людям шевалье, что «если через три дня они не поставят паруса, то всех их предадут мечу». Французам пришлось поднапрячься, чтобы успеть подготовить суда к выходу в море до истечения срока ультиматума.

Тортуга досталась испанцам малой кровью: согласно их отчетам, они потеряли всего двух людей, в то время как французы – от 25 до 30 человек. В руки победителей попала вся артиллерия Тортуги: 44 пушки в форте и около 70 пушек – на двух батареях, 60 центнеров пороха, много военного снаряжения, запас продовольствия, некоторое количество индейцев-рабов, похищенных шайкой Мартэна на берегах залива Кампече в 1652 году, а также два корабля неопределенного типа, один фрегат и восемь барок (по другим данным, испанцы обнаружили на Тортуге 200 негров-рабов и 250 индейцев-рабов; но в описи, датированной 26 июня 1654 года, упоминается лишь о 73 пленных рабах; остальные, скорее всего, убежали в лес). Наконец, на службу к испанцам перешли сто солдат гарнизона Тортуги и несколько ирландцев-католиков. Чистая прибыль от этого предприятия составила 20 тыс. дукатов. Очевидно, добыча могла быть более солидной, если бы в самом начале операции испанцы не упустили несколько голландских торговых судов, поспешно бежавших в открытое море. С другой стороны, испанцам повезло, что за двенадцать дней до их прибытия Тортугу покинули два фрегата с 200 флибустьерами на борту. Их уход существенно ослабил оборону острова.

В Санто-Доминго возвращение экспедиции Рохаса встретили праздничным салютом и колокольным звоном. Как с иронией заметил дю Тертр, всеобщая радость была столь велика, «словно они завоевали целое королевство».

Тот же автор сообщает, что одним из двух фрегатов, эвакуировавших население Тортуги, командовали убийцы Левассёра – капитаны Тибо и Мартэн. На борту их судна разместились в основном женщины и дети. Когда запасы провизии истощились, друзья-убийцы с помощью нескольких солдат высадили беспомощных пассажиров на островах Кайман, где все они могли погибнуть от голода, если бы по счастливой случайности их не обнаружило и не спасло проходившее мимо голландское судно.

Для удержания Тортуги губернатор Санто-Доминго решил оставить там гарнизон из 150 пехотинцев под командованием капитана Бальтасара Кальдерона-и-Эспиносы. Хуан де Морфа (ирландец по происхождению), управлявший островом после изгнания Фонтенэ, не внушал испанцам особого доверия и вскоре был отозван.

Поскольку не все пираты и контрабандисты знали о захвате Тортуги испанцами, последние за восемнадцать месяцев своего пребывания там захватили на рейде около десяти французских, английских и голландских судов. По данным дю Тертра, вскоре после утверждения испанцев на острове туда пришли «два бедных французских судна, которые одно за другим доставили товары и провизию своим соотечественникам и, не зная, что их ожидает, свободно вошли в порт, словно их здесь должны были встретить; но как только испанцы увидели их на якоре, а большую часть их людей на земле, они налетели на них, как грифы на жертву…».

Известно, что мальтийский рыцарь не смирился с потерей острова. Обосновавшись на северном побережье Эспаньолы, в Пор-Марго, он терпеливо дожидался там освобождения младшего брата. Последний, будучи «дворянином с хорошими манерами, ловким, доброго нрава и весьма проворным», добился расположения «почтенного старика, который был губернатором острова и полюбил его, словно собственного сына». Через пять-шесть месяцев испанцы отпустили Тома де Фонтенэ на свободу, и он смог вернуться к своему старшему брату.

Вскоре к 130 французам, находившимся под командованием шевалье, присоединились голландские контрабандисты, которые занимались торговлей с буканьерами на северном побережье Эспаньолы. Голландцы помогли французам отремонтировать и переоснастить их судно, после чего согласились оказать содействие мальтийскому рыцарю в отвоевании его владения. Погрузившись на борт судов, Фонтенэ 15 августа 1654 года появился возле Тортуги. Хуан Франсиско Монтемайор, узнав о враждебных действиях мальтийского рыцаря, срочно отправил на помощь Кальдерону три военных фрегата.

24 августа Фонтенэ высадил на берег десант, который обратил в бегство отряд испанцев из примерно шестидесяти солдат и занял Кайон. Затем, двигаясь по направлению к форту, французы и голландцы натолкнулись на испанскую засаду. К счастью, их буканьерский пес вовремя почуял опасность и поднял лай. Тут же три или четыре десятка буканьеров произвели залп из своих фузей, убив 18 и ранив 15 или 16 солдат противника.

Отступив на новую позицию, испанцы устроили засаду недалеко от родника, который, по их мнению, должен был привлечь внимание измученного жарой врага. Однако шевалье де Фонтенэ и его брат предусмотрительно разделили своих людей на два отряда, и пока один из них осуществлял прикрытие, другой смог освежиться водой из источника. Испанцы попробовали атаковать их, но буканьеры снова встретили их яростным ружейным огнем, уложив, по данным дю Тертра, более сорока вражеских солдат.

Серьезным препятствием для людей шевалье был деревянный редут, сооруженный испанцами на вершине холма, откуда они в свое время вели обстрел форта Ла-Рош. В нем засел отряд из примерно пятидесяти солдат. Французы решили, что им следует попытаться захватить этот редут, поскольку он мог стать ключом к овладению фортом. После стремительного штурма редут удалось взять, и все его защитники, кроме одного, были перебиты. Уцелевшего пленника отправили в форт с предложением гарнизону сложить оружие. Получив решительный отказ, Фонтенэ приказал начать обстрел крепости. Возможно, ему удалось бы принудить испанцев к капитуляции, если бы не известие о приближении к Тортуге подкреплений из Санто-Доминго. На восьмой день осады, израсходовав почти весь запас пороха, французы и голландцы вынуждены были вернуться с Тортуги на Эспаньолу.

Когда фрегаты, посланные Монтемайором, зашли в гавань Монте-Кристи, они обнаружили там один из трех кораблей, участвовавших в осаде Тортуги. Его хозяином был голландец; экипаж насчитывал около пятидесяти человек и наполовину состоял из французов. Выяснив, кто из пленных принимал участие в штурме форта Ла-Рош, испанский командир велел вздернуть виновных на рее, а остальных доставил в Санто-Доминго вместе с девятью рабами, небольшим количеством шкур и другими товарами меньшей ценности, проданными в пользу короля.

Что касается шевалье де Фонтенэ, то ему не оставалось ничего иного, как, проклиная свою несчастную судьбу, отплыть в Европу. С ним отправились лишь тридцать соратников. Во время тяжелого трансатлантического перехода их судно попало в шторм и потерпело крушение у Азорских островов, откуда шевалье с великим трудом добрался до Франции.

В большинстве книг по истории флибустьерства утверждается, что Фонтенэ умер вскоре после возвращения на родину. На самом деле мальтийскому рыцарю удалось совершить еще одну экспедицию в Америку – правда, не в Вест-Индию, а к берегам Аргентины.

Глава 14. Последний вояж шевалье де Фонтенэ

Еще в то время, когда Фонтенэ был губернатором Тортуги, он, возможно, слышал от пиратов рассказы об экспедициях англичан и голландцев в Тихий океан. Возможно, именно эта информация подтолкнула его к смелой идее предпринять аналогичный вояж к тихоокеанским берегам Испанской Америки. Фонтенэ снарядил три судна – фрегаты «Гаспар» и «Реноме» (более чем по 20 пушек на каждом) и флейт «Мотрис», недавно вернувшийся из корсарского похода в Индийский океан. Всего на борту судов разместилось от двухсот до трехсот моряков, солдат и добровольцев. Среди пайщиков экспедиции значились парижский дворянин Гейен, выделивший «на дело» две тысячи ливров, генеральный секретарь флота Сесар Шаппелен, бывший генерал-лейтенант судов и галер, а позже губернатор Нанта Шарль Арман де Ла Порт де Ла Мейере (двоюродный брат покойного кардинала де Ришелье) и некоторые другие. Капитанами кораблей были Даниэль (из Нормандии), Жоб Форан (уроженец Пуату) и сам шевалье де Фонтенэ.

О Даниэле сведений почти не сохранилось. Жоб Форан был сыном известного корсара Жака Форана, служившего офицером в голландском флоте. Жоб пошел по стопам отца, служил капитаном в эскадре голландского флотоводца Витта де Вита, в 1646—1648 годах плавал в Бразилию, а в начале 50-х годов, обосновавшись в Дюнкерке, занимался корсарским промыслом. В экспедицию шевалье де Фонтенэ его наняли как человека, знакомого с берегами Южной Америки.

Корабли вышли в море в конце 1657 года. По пути французы захватили фламандское судно, оставленное экипажем, потом встретили большой корабль из Сен-Мало под командованием капитана Ла Гарделя. Однако последний не пожелал присоединиться к флотилии. Остановки в португальских колониях на островах Зеленого Мыса и в Бразилии позволили французам запастись провизией и найти лоцмана, знакомого с аргентинским побережьем, но некоторые члены экипажа воспользовались этими стоянками, чтобы дезертировать.

6 января 1658 года флотилия прибыла к Буэнос-Айресу и остановилась возле острова у входа в реку Ла-Плата. В порту Буэнос-Айреса тогда стояли на якоре два десятка голландских судов и два английских парусника. Шевалье де Фонтенэ был полон решимости захватить и ограбить город, однако десантная операция не удалась. Во время посадки солдат в шлюпки последние из-за сильного волнения опрокинулись, а пилот[39] – недавно захваченный английский моряк – допустил ошибку в расчетах. Корсары высадились в болотистом месте, завязли в грязи и вскоре не солоно хлебавши вернулись на суда. Впрочем, Фонтенэ не слишком расстроился из-за этого провала, так как основная его цель заключалась в том, чтобы выйти через Магелланов пролив в Тихий океан. Об этом он напомнил своим лейтенантам во время военного совета.

Желая пополнить запасы продовольствия, Фонтенэ время от времени посылал команды грабить испанские имения и поселки на побережье. Однако продолжить путешествие в Южные моря хотели далеко не все. Даниэль, капитан судна «Мотрис», отказался следовать за шевалье и дезертировал, намереваясь вернуться во Францию. Форан последовал примеру Даниэля. Фонтенэ пришлось продолжить плавание в одиночку. После долгих блужданий он появился у входа в Магелланов пролив, но скверная погода и предчувствие, что выполнить замысел в одиночку вряд ли удастся, побудили его повернуть назад.

Обратный путь проходил в невыносимых условиях: мешали встречные ветры, часто налетали бури. Фонтенэ вновь нашел капитана Форана на реке Ла-Плата. Тот оправдывал

[39] *Пилот* – штурман корабля или лоцман.

свое бегство тем, что был принужден к этому экипажем. Возможно, впрочем, что ему просто захотелось пограбить испанские суда на реке.

Фонтенэ тоже понимал, что возвращение домой без добычи обернется для него и его компаньонов банкротством. Поэтому и сам был не против «пощипать» испанцев. Однако испанский губернатор, предупрежденный о появлении французских корсаров, принял ряд дополнительных мер по усилению береговой обороны.

В течение трех недель французы ожидали выхода из гавани какого-нибудь судна. Наконец, однажды утром они заметили паруса трех голландских судов. Фонтенэ тут же вступил в бой с самым крупным из них (грузоподъемностью 1400 тонн), надеясь, что Форан поддержит его. Но тот не отважился напасть на два других голландских судна. В разгар сражения Фонтенэ погиб, сраженный ядром. Тем не менее, его людям удалось взять голландский адмиральский корабль на абордаж. Прибыв на борт флагмана, Форан убедился в гибели своего начальника и заявил, что все, кто хочет вернуться на родину, должны немедленно следовать за ним. Некоторые солдаты и моряки перешли на его судно, оставив остальных биться с численно превосходившими их голландцами. В это время два других голландских судна, видя, что Форан уходит, бросились на помощь своему адмиралу. Корабль Фонтенэ был захвачен. Голландский адмирал сначала хотел утопить всех уцелевших во время боя французов, но, испытывая недостаток в людях – погибло более шестидесяти голландских моряков, – решил с помощью пленных пополнить свой экипаж.

Очевидцем описанных выше событий был Акарете Бискайский, автор «Отчета о путешествии вверх по реке Ла-Плата, а затем по суше – в Перу». В этом сочинении он сообщает: «Мы отплыли [из Кадиса] примерно в конце декабря 1657 года на корабле водоизмещением 450 тонн и на 105-й день достигли устья реки Ла-Плата, где встретили французский фрегат под командованием капитана Форана и, после непродолжительного боя с ним, оторвались от него и продолжили наш путь, пока не достигли Буэнос-Айреса, где обнаружили 22 голландских корабля и среди них – 2 английских; они были нагружены бычьими шкурами, серебром и испанской шерстью, полученными в обмен на их товары; через несколько дней 3 голландских корабля, покинув рейд, встретили капитана Форана и еще один фрегат, называвшийся „Марешаль“, которым командовал шевалье де Фонтенэ; после жестокой стычки голландцы абордировали и захватили „Марешаль“, предав мечу всех его людей, в том числе и шевалье».

Глава 15. Уход испанцев с Тортуги и появление там Элиаса Уоттса

Можно только догадываться, как в дальнейшем развивалась бы история антильского флибустьерства, если бы Испания смогла сохранить за собой контроль над Тортугой. Однако 13 сентября 1654 года король Филипп IV назначил новым губернатором Санто-Доминго дона Бернардино де Менесеса Бракамонте-и-Сапату, графа Пеньяльбу, которому вскоре было велено отозвать с Тортуги испанский гарнизон, «разрушить все фортификации, большие и малые, не оставив камня на камне, вернуть в Санто-Доминго всю артиллерию… и запереть гавань Тортуги, затопив в двух ее проходах несколько старых кораблей и барок, нагруженных камнем». Этот, казалось бы, странный указ объяснялся тем, что испанской короне стало известно о готовящейся в Англии военной экспедиции, целью которой было завоевание всех испанских владений в Вест-Индии. Удерживать Тортугу стало менее насущной задачей, чем усиление обороноспособности Санто-Доминго.

Испанский форт на Тортуге. Карта 1658 года.

Прежде чем приступить к эвакуации испанского гарнизона с Тортуги, граф Пеньяльба 11 июня 1655 года написал экс-губернатору Эспаньолы дону Хуану Франсиско Монтемайору письмо, в котором интересовался его мнением относительно целесообразности сохранения бывшего пиратского гнезда под испанским контролем. На следующий день Монтемайор отправил графу пространный ответ. Его мнение было однозначным: если французы или англичане снова займут Тортугу и восстановят ее статус крупной флибустьерской базы, испанской торговле в Вест-Индии будет нанесен невосполнимый ущерб. Кроме того, враг получит возможность использовать Тортугу в качестве плацдарма для завоевания Эспаньолы и других испанских колоний в бассейне Карибского моря.

Пеньяльба не разделял опасений Монтемайора. Он полагал, что в связи с английским завоеванием Ямайки (а это печальное для испанцев событие произошло в мае 1655 года) более насущной проблемой становится укрепление обороны Санто-Доминго. Поэтому 26 июня он подписал приказ об эвакуации испанского гарнизона с Тортуги. Бальтасар Кальдерон должен был немедленно погрузить на суда всю артиллерию форта Ла-Рош и вывезти ее в Санто-Доминго. Однако выполнить этот приказ было невозможно из-за отсутствия погрузочных средств и в виду твердой уверенности Кальдерона в том, что уход испанцев из Бастера – форменное безумие. Разделяя точку зрения Монтемайора, он пытался доказать Пеньяльбе и чиновникам в Испании, что для обеспечения безопасности испанских владений в Вест-Индии Тортугу «было бы очень выгодно сохранить… ибо в то время, когда ее засе-

ляли враги-французы, имели место многие грабежи и нанесение ущерба торговле Гаваны, Кампече, Ямайки, Веракруса, Кубы, Картахены, Портобело и Тьерра-Фирме».

4 августа губернатор Эспаньолы повторил свой приказ, присовокупив к нему поучение, как захоронить пушки, если нет возможности погрузить их на суда. После этого капитан Кальдерон и его солдаты не стали мешкать: не разрушив до основания форт, не вывезя с острова всю артиллерию и не затопив у входа на якорную стоянку старые корабли, они покинули Тортугу. Правда, перед самым уходом Кальдерон оставил на берегу два послания, датированные 25 августа 1655 года и написанные на испанском и ломаном английском языках. В них «капитан и сержант-майор дон Бальтасар Кальдерон-и-Эспиноса» сначала рассказал, как он разбил мальтийского рыцаря Тимолеона Отмана де Фонтенэ, снес крепость и разрушил все дома, а затем предупредил, что все, кто рискнет вновь прийти на Тортугу с целью поселения, будут преданы мечу без всякой пощады. 26 февраля 1656 года эти письма доставил на Ямайку шкипер небольшого английского судна, незадолго до этого посетивший Тортугу.

Преемник Пеньяльбы граф Феликс де Суньига 3 декабря 1656 года с нескрываемым сожалением писал королю, что в то самое время, когда солдаты его величества покидали гавань Тортуги, туда с другой стороны вошла барка французских пиратов. Не исключено, впрочем, что испанцы приняли за французов англичан (или же команда судна состояла из представителей нескольких национальностей).

Согласно данным дю Тертра, после ухода испанцев с Тортуги на остров пожаловал «некий английский джентльмен, имя которого было Элиас Уорд». В действительности его звали Элиас Уоттс. Он обосновался в Бастере со своей семьей и десятью или двенадцатью солдатами.

«Некоторые [французские] буканьеры рассказывали мне, – пишет дю Тертр, – что он оставил Ямайку с намерением найти какое-нибудь место, пригодное для основания колонии, начальником которой он хотел быть, и что, найдя остров Тортугу покинутым испанцами, он здесь поселился, а затем получил жалованную грамоту от генерала Ямайки. Но месье д'Ожерон утверждал, что он обосновался на Тортуге с жалованной грамотой генерала Ямайки еще до ухода испанцев, и мне это кажется весьма вероятным… После ухода испанцев он побывал на Ямайке, чтобы привезти людей, и поскольку многие французы и англичане присоединились к нему, он сформировал колонию из примерно ста или ста двадцати человек, признанным начальником и губернатором коих он был, хотя и при весьма малом подчинении, как это было и при всех других, кто претендовал на какую-то власть на этом острове после ухода испанцев – до того момента, пока месье д'Ожерон не получил королевское пожалование как на Берег Сен-Доменг, так и на остров Тортуга»».

Из английских документов явствует, что военный губернатор захваченной англичанами Ямайки Уильям Брейн, узнав о «ничейности» Тортуги, распорядился отправить туда дюжину солдат под командованием Элиаса Уоттса. В начале 1657 года примерно 100 или 120 английских и французских авантюристов, обосновавшихся к тому времени в Бастере и Кайоне, согласились признать Уоттса своим губернатором при условии свободы делать то, что им вздумается. Помощником губернатора стал «бедный несчастный джентльмен» Джеймс Аранделл – бывший полковник армии роялистов, изгнанный из Англии и женившийся в Вест-Индии на дочери Уоттса. Таким образом, Тортуга снова перешла под номинальную власть англичан.

Глава 16. Поход на Сантьяго-де-лос-Кабальерос

В 1659 году флибустьеры и охотники Тортуги совершили дерзкий поход на Сантьяго-де-лос-Кабальерос – город, расположенный во внутренних районах Эспаньолы. Согласно французским источникам, поводом для этой экспедиции послужили жестокие действия капитана испанского военного корабля в отношении группы пленных французов.

«Поскольку, – пишет дю Тертр, – упомянутые Лавалье, Жак Клеман, Никола Масье, Жиль Бонбье, его жена и маленький мальчик и другие, всего в количестве десяти или двенадцати человек, не чувствовали себя хорошо на острове Тортуге, они получили разрешение господина Элиазуорда (Элиаса Уоттса. – В.Г.) отправиться на Наветренные острова, как называют Сент-Кристофер, Гваделупу, Мартинику и другие, расположенные на той параллели; и с этой целью они сели на корабль капитана-фламандца, который, отплыв на следующий день, был к несчастью встречен военным испанским кораблем, капитан которого, спросив фламандца, кого он везет, получил ответ, что это – пассажиры-французы. Он велел ему немедленно выдать их. Фламандский капитан противился, сколько мог, но после долгого спора был вынужден выдать своих пассажиров-французов, однако при условии, что их пощадят и что им не причинят вреда; и испанец твердо обещал ему это. Но едва оба корабля разошлись, испанец со своими пленниками взял курс на остров Монтекристе, где, высадив наших французов, солдаты всех их расстреляли из аркебузов, за исключением женщины и маленького мальчика, который спрятался под рясой одного монаха, а его эти набожные убийцы и мнимые христиане уважали больше, чем кровь этого невинного».

Дю Тертр добавляет, что «эта рана долго кровоточила в сердцах всех французов на побережье Сен-Доменга», искавших случая отомстить испанцам.

Такой случай представился в 1659 году, когда на Тортугу из Нанта прибыл фрегат некоего капитана Лекубля. Флибустьеры решили, что этот корабль послан им самим Всевышним, так как его можно было использовать для доставки их к гавани Пуэрто-Плата (что на северном побережье Эспаньолы), откуда они планировали двинуться в глубь острова и атаковать Сантьяго-де-лос-Кабальерос.

Гавань Пуэрто-Плата на испанской карте колониального периода.

Сформировав батальон из 400 человек во главе с неким капитаном Делилем (по-французски – Capitaine de L'Isle, что в переводе означает «капитан Острова»), флибустьеры разделились на четыре роты, причем первую возглавил сам Делиль, вторую – пират по имени Адам, третью – Лормель, а четвертую – Ан Леру. Согласовав свой проект с губернатором Уоттсом, который, надеясь на получение части пиратской добычи, выдал флибустьерам

английское каперское свидетельство[40], Делиль и его сообщники отыскали в порту капитана Лекубля и предложили ему отдать им свой корабль «в аренду». По словам дю Тертра, «ему сказали откровенно, что он более не хозяин его и что, если он не отдаст его добром и по-дружески, они заберут его силой». Конечно, Лекубль не стал упрямиться.

Погрузившись на «арендованный» фрегат и на два-три других суденышка, флибустьеры взяли курс на Пуэрто-Плату. Высадившись там на берег в день Вербного воскресенья или днем позже, они двинулись обходными путями через леса и саванны к Сантьяго и в ночь на Святую пятницу, незадолго до рассвета, неожиданно напали на спящий город. Заколов около трех десятков испанцев, пытавшихся оказать им сопротивление, французы устремились прямо к дому губернатора. Последний был найден в постели. «Он свалился с кровати, – рассказывает дю Тертр, – и, услышав, что враги говорят по-французски, высказал свое удивление тем, что французы пришли нападать и убивать, ибо он получил известия о прекращении военных действий и о заключении мира между коронами Франции и Испании. Эти пираты ответили, что у них имеется английское каперское свидетельство, и обвинили его во всех избиениях французов, совершенных по его распоряжениям и иных губернаторов его нации, велев ему готовиться к смерти».

Когда губернатор Сантьяго-де-лос-Кабальероса упал на колени и начал молиться, флибустьеры прервали его, спросив, сколько он может заплатить за свое спасение. Испанец сказал, что готов отдать им всё, чем владеет. «Тогда наши мошенники, – продолжает дю Тертр, – потребовали с него не менее шестидесяти тысяч экю[41]. Он им ответил, что у него нет столько, но что он готов уплатить часть выкупа шкурами, что и было сделано; а остальное, что надлежало выплатить деньгами, он им обещал, однако так и не заплатил».

За сутки флибустьеры разграбили весь город и забрали из церквей колокола, украшения и священные сосуды. Позже на Антиллах рассказывали, что пираты увели с собой и изнасиловали захваченных в городе знатных дам. Дю Тертр опровергает эти слухи, заявляя, что у французов был уговор – кто будет уличен в подобного рода преступлении, тот лишится своей доли добычи. После того, как они запаслись провизией и вином, пираты забрали с собой в качестве заложников губернатора и несколько знатных горожан и двинулись через лес в обратный путь.

Тем временем жители окрестных мест, объединившись с беглецами из Сантьяго, собрали отряд в тысячу человек и устроили на выходе из леса засаду. Несмотря на свою малочисленность, флибустьеры отчаянно защищались; «так как все они были хорошими стрелками, то каждый выбрал себе по человеку, и они сразу же уложили на повал более шестидесяти». После двухчасового сражения испанцы отступили, намереваясь собраться с силами и повторить атаку. Но во время этой передышки французы, потерявшие 10 человек убитыми и 5 или 6 ранеными, решили показать им губернатора и других знатных пленников. При этом было заявлено, что, в случае нового нападения, они перебьют всех заложников и «продадут свою жизнь дорогой ценой». Посовещавшись, испанцы разрешили пиратам продолжить путь к побережью.

Несколько дней флибустьеры провели на морском берегу, надеясь получить оставшуюся часть выкупа, но, так и не дождавшись обещанных денег, отпустили заложников и отбыли на Тортугу.

После дележа добычи на каждого участника похода пришлось по 300 крон[42]. Довольные полученными трофеями, они решили отблагодарить своего вожака и подарили ему

---

[40] В то время Англия все еще воевала с Испанией (речь идет о войне 1655—1660 годов).

[41] Французская серебряная монета весом 27,19 г (содержала 24,933 г серебра). Свое название получила от изображения треугольного щита-экю с королевским гербом. В XVII веке была эквивалентна испанскому песо (пиастру) и талеру (доллару).

[42] Речь идет о французском экю или испанском эскудо с изображением щита и короны над ним.

часть сокровищ сверх его доли. Упаковав добычу в сундук, капитан Делиль решил вернуться во Францию и там жить в свое удовольствие. Он сел на английское судно, однако во время перехода через Атлантику шкипер корабля, надеясь прикарманить пиратские денежки, затеял с Делилем ссору и выбросил его за борт. Говоря о судьбе остальных участников похода, дю Тертр назидательно замечает, что «все другие тоже ничего не выиграли от этого добра, и многие из них нашли несчастный конец».

Некоторые исследователи, ссылаясь на документы из испанских архивов, утверждают, что пираты напали на Сантьяго-де-лос-Кабальерос не в 1659, а в 1661 году. Шарлевуа вообще приурочил этот поход к 1667 году. Поскольку дата, указанная дю Тертром, подтверждается рядом других источников, можно предположить, что в 1661 и 1667 годах могли иметь место другие набеги флибустьеров на Сантьяго.

В литературе встречается также упоминание о том, что во время похода 1659 года во главе флибустьеров стоял голландский капитан Эдварт Мансфелт. Вряд ли это соответствует истине: Мансфелт базировался не на Тортуге, а на Ямайке, активно пиратствовал в Карибском море в 1662—1666 годах и умер около 1667 года (очевидно, был казнен испанцами на Кубе).

Еще более невероятной кажется версия Терри Бревертона о том, что предводителем флибустьеров Тортуги в походе на Сантьяго-де-лос-Кабальерос был англичанин Генри Морган. Эту версию он излагает в своей популярной биографии знаменитого «короля буканиров». «Генри Морган, – пишет Бревертон, – был одним из капитанов, который командовал тогда французским фрегатом из Нанта». Поскольку автор не указал источника своей информации, мы вправе заподозрить, что таковым стало его богатое воображение.

Глава 17. Метаморфозы сьёра дю Россе

В конце 1659 или начале 1660 года на Тортуге объявился французский авантюрист Жереми Дешан, сьёр де Монсак и дю Россе, имевший предписание ямайского губернатора сэра Эдварда Д'Ойли сместить Элиаса Уоттса.

История жизни и похождений сеньора дю Россе весьма загадочна. Исследователям удалось установить, что он родился около 1610 года в Монсаке (Перигор) в семье нотариуса-гугенота, на Тортугу впервые попал в 1640 году в компании с Левассёром, а в 1654 году вернулся во Францию вместе с остатками разбитого отряда шевалье де Фонтенэ. На родине он добился назначения на пост королевского губернатора и генерал-лейтенанта островов Тортуга, Роатан и др. Это пожалование датировано 26 ноября 1656 года (в разных источниках указываются и иные даты, явно ошибочные, – 1657 и даже 1658 год) и подписано королем Людовиком XIV. Ниже приводится сокращенный текст этого уникального документа:

«Людовик и т. д. Нашему дорогому и возлюбленному другу Жереми Дешану, сьёру де Мусаку и де Руссе приветствие. Считая необходимым принять меры для охраны и сохранения как острова Тортуга, находящегося в Америке и недавно возвращенного под наше управление, так и обосновавшегося там знатного лица, на… верность которого мы можем положиться, который лично позаботился о восстановлении фортов (находившихся там прежде, но разрушенных врагами нашего государства), чтобы они могли служить для безопасности жителей этого острова… мы остановили свой выбор на вас в уверенности, что нам не удалось бы выбрать иное лицо, которое могло бы лучше вас занимать эту должность, учитывая ваш опыт и вашу храбрость, каковые вы так великолепно проявили при отвоевании этого острова, и, к тому же, испытывая полное доверие к верности и привязанности, каковые вы всегда проявляли на нашей службе. В силу названных причин и других, побуждающих нас к этому, мы вам… доверяем и предписываем настоящим документом, подписанным нашей рукой и под нашей печатью, а также губернаторам и нашим генерал-лейтенантам островов Америки, взять под охрану названные остров Тортугу и форты, которые там имеются или могут быть позже возведены, и названную должность использовать для почестей, власти, прерогатив, преимуществ, пошлин, заработков, доходов и жалований, таких и похожих, каковыми пользуются или пользовались те, кто вам предшествовал на том посту, с полномочием командующего как над жителями названного острова, так и над военными, которые там находятся или позже будут поселены в гарнизоне, и, что полезно будет для нашей службы, сохранять названных жителей в союзе и согласии друг с другом, содержать названных военных в добром порядке и цивилизованности, следуя нашим регламентам, поддерживать коммерцию и торговлю названного острова и вообще делать всё, что вы сочтете полезным для безопасности и сохранения оного, как нам угодно; осуществлять сие вам дают и будут давать полномочие, комиссия и специальное предписание… Всем губернаторам и нашим генерал-лейтенантам островов Америки сообщат о вас в этом новом качестве… Приказываем далее, как названным жителям, так и названным военным, повиноваться вам и слушаться во всем, что касается и относится к настоящему полномочию. Ибо такова наша воля и т. д. Дано в Париже двадцать шестого дня ноября в год тысяча шестьсот пятьдесят шестой от Рождества Христова, в восемнадцатый год нашего царствования».

Предполагают, что в 1657 году сьёр дю Россе мог вернуться на Тортугу, чтобы взять ее во владение, но, застав здесь Уоттса, решил ехать в Англию. В Лондоне, где у него были друзья, дю Россе ухитрился добыть в Государственном совете письмо, рекомендовавшее колониальным властям Ямайки выдать ему английское пожалование на Тортугу. В 1659 году, завербовав три десятка искателей приключений, он поднялся в Ла-Рошели на борт судна

шкипера Алегре и в следующем году высадился в Пойнт-Кагуэе (будущем Порт-Ройяле) на Ямайке.

Полковник Д'Ойли согласился выдать ему жалованную грамоту на управление Тортугой при условии, что он будет действовать в интересах Великобритании (дю Тертр утверждает, что полномочия дю Россе распространялись только на французских жителей Тортуги, которые не подчинялись английским властям).

Отправившись на северное побережье Эспаньолы, сьёр дю Россе остановился в гавани Пор-Марго, собрал здесь отряд буканьеров, потом двинулся к гавани Пор-де-Пэ, а оттуда переправился на Тортугу. Заручившись поддержкой французских жителей, он сместил Элиаса Уоттса (последний вместе с семьей бежал на похищенном у сьёра де ла Ронда судне в Северную Америку) и объявил себя губернатором острова.

Отметим, что доминиканский миссионер Жан-Батист Лаба (1664—1738), автор «Нового путешествия на французские острова Америки» (Париж, 1722), иначе описывает захват Тортуги сьёром дю Россе. По его данным, сей авантюрист овладел островом в то время, когда здесь находился испанский гарнизон (с данной сомнительной версией солидарен и Жорж Блон). Собрав на Сен-Доменге отряд буканьеров численностью до 600 человек, дю Россе якобы отправил сотню бойцов на северный берег Тортуги, где их никто не ждал. Оттуда охотники двинулись через леса и скалы к южному побережью и во время неожиданной ночной атаки захватили испанскую батарею на горе, которая господствовала над фортом Ла-Рош. Получив оттуда условный сигнал, дю Россе с основными силами высадился в Бастере. Не сумев отбить нападение, испанские солдаты отступили в форт и укрылись в башне-донжоне. После непродолжительной осады комендант крепости согласился сдать ее французам, а сам с остатками гарнизона отплыл на Кубу.

Этот рассказ воспроизводит в своей книге и иезуит Шарлевуа. Последний дополнил его еще и третьей – совершенно фантастической – версией, которую прислал ему некий сочинитель с Эспаньолы. Согласно данному сообщению, сьёр дю Россе был «тем самым» дю Россе, который основал вместе с Пьером Белэном д'Эснамбюком французскую колонию на Сент-Кристофере в 1625 году, а во время испанского нападения на указанный остров (1629) проявил трусость, бежал во Францию и там был заточен в Бастилию (на самом деле, как мы помним, соратника д'Эснамбюка звали Урбэн де Руассей). Желая смыть пятно позора, он якобы разработал план отвоевания Тортуги у испанцев и позже блестяще осуществил его.

Следует отдать должное Шарлевуа, который подверг критике все указанные версии, указав, в частности, что настоящее имя преемника Уоттса было Жереми Дешан, сьёр де Монсак и дю Россе. На сегодня наиболее убедительной выглядит история о пожаловании Тортуги сьёру дю Россе французским двором (патент от 26 ноября 1656 года) и последующим назначением его на пост губернатора Тортуги английскими властями Ямайки (1660 год). Рассказы об отвоевании острова сьёром дю Россе у испанцев документально не подтверждены.

Когда ямайский губернатор полковник Д'Ойли узнал о том, что дю Россе начал самочинно выдавать каперские свидетельства капитанам флибустьеров, он незамедлительно потребовал от него объяснений. Дю Россе ответил, что Тортуга – французская колония, и что он, ее губернатор, больше не подчиняется английским властям.

Не желая оставаться в дураках, разгневанный полковник Д'Ойли велел Джеймсу Аранделлу (зятю и заместителю Уоттса) арестовать дю Россе и в цепях доставить его в Порт-Ройял для суда. Аранделл с отрядом из тридцати авантюристов сел на корабль капитана Бартоломью Кука, который, выйдя в открытое море, взял курс на Наветренный пролив. Поскольку заболевший тропической лихорадкой губернатор Тортуги находился в то время не в Бастере, а в Кюль-де-Саке на Эспаньоле (по другой версии – на острове Санта-Крус), Аранделл решил арестовать его племянника и заместителя Фредерика Дешана де ла Пласа. Ночью он высадился со своими людьми на Тортуге и перед рассветом ворвался в дом губер-

натора. Однако сьёр де ла Плас, заранее предупрежденный о замыслах англичан, в эту ночь бодрствовал; возглавляемый им большой отряд французов неожиданно окружил дом и, обезоружив узурпатора и его сообщников, взял их под стражу. Впрочем, спустя несколько дней всех их освободили, разрешив вернуться на Ямайку. Указанные события имели место в 1661 году.

Из английских документов известно, что в мае 1662 года Джеймс Аранделл и его отряд были задержаны на Кубе, в бухте Матансас, испанцами, отправившими их в тюрьму города Пуэрто-Принсипе (современный Камагуэй). Месяц спустя Аранделл и Бартоломью Кук были убиты. Об их судьбе поведали Уильям Харрис и Уильям Гаррет, которым удалось бежать из испанской тюрьмы в Гаване на Ямайку.

По словам Харриса, «Аранделл и его команда были неожиданно захвачены в бухте Матансас и отправлены в Пуэрто-Принсипе, где после месячного заключения Аранделл и Бартоломью Кук, его шкиперло иоколо июня 1662 гмы в гаване на Ямайку, были уведены неграми в кусты и убиты, и он видел их, несущих голову полковника Аранделла в город, в то время как остальные были спасены фламандским монахом, который взял их, чтобы отправить в Гавану».

Опасаясь повторного вторжения англичан на Тортугу, преемник дю Россе, его племянник сьёр де ла Плас, позаботился о восстановлении форта Ла-Рош. Он возвел на его развалинах новую башню и установил на ней четыре пушки. Эти приготовления оказались вполне своевременны, поскольку в январе 1663 года английская экспедиция, отправленная с Ямайки, предприняла еще одну попытку захватить Тортугу. Подробнее об этом событии будет рассказано в отдельной главе.

Что касается дю Россе, то из-за болезни ему пришлось в 1662 году срочно покинуть острова Вест-Индии. Посетив в сентябре-октябре Лондон, где он имел встречу с французским послом, наш герой в начале 1663 года объявился в Париже. Примерно в это же время было написано цитируемое ниже письмо дю Россе королю Франции, в котором он пытался убедить Людовика XIV в необходимости запретить жителям Тортуги переселяться оттуда на побережье Эспаньолы.

«Сир,

Жереми Дешан, шевалье сьёр дю Россе, губернатор и генерал-лейтенант Вашего Величества на островах Тортуга, Ротан [Роатан?] и других, находящихся по-соседству, покорнейше доводит до сведения Вашего Величества, что остров Эспаньола лежит на расстоянии двух лье от Тортуги, и некоторые французы, чтобы жить в распутстве, идут поселяться на берегах острова Эспаньола, который весьма велик и слабо заселен, и имеют жилища в местах крутых, окруженных скалами и неприступными горами; там они ходят по морю на шлюпках и каноэ и живут, словно звери или дикари, без веры и закона, не признавая в своем кругу ни какого-либо губернатора, ни начальника, что часто является причиной беспорядков, грабя и похищая многие английские и фламандские суда, что дает англичанам повод вынашивать планы против французов, которые отнюдь не повинны в этих беззакониях, творимых буканьерами, коих насчитывается 500 или около того… Они причиняют значительный ущерб Тортуге, поскольку некоторые колонисты уходят, чтобы жить в таком же распутстве…

Посему я покорнейше молю Ваше Величество выдать мне распоряжение, коим следует под страхом казни запретить всем французам поселяться или охотиться на названном острове Эспаньоле и принудить в течение двух месяцев вернуться на французские острова; чтобы заставить их уехать, желательно дать ходатаю позволение запрещать всем купцам, капитанам и судовладельцам продавать им что-либо или обменивать с целью их снабжения, не принимать и не грузить какие-либо товары, принадлежащие им, под угрозой конфискации кораблей или иных судов и товаров, повелев, кроме того, всем служащим таможен в мор-

ских городах Франции конфисковывать все товары, привозимые для продажи с названного острова Эспаньола французами, которые не имеют паспорта, выданного названным ходатаем, который со всей возможной преданностью продолжает служить Вашему Величеству и молится Богу за ваши здоровье и процветание».

Однако данные предложения губернатора Тортуги не были приняты во внимание.

В 1663 году сьёр дю Россе решил уступить свое владение англичанам за 6 тыс. ф. ст. (54 тыс. турских ливров). Тем не менее, продать Тортугу ему так и не удалось: французские шпионы пронюхали об этих закулисных переговорах, и в начале 1664 года, когда дю Россе заехал на короткое время в Париж, он был схвачен и брошен в королевскую тюрьму Бастилию по обвинению в государственной измене.

«Молва той эпохи не слишком хватала через край, утверждая, что заточение в Бастилию (или „бастиление“, как говорили тогда) следовало рассматривать как путь в высшее общество, учитывая происхождение и фамилии обитателей огромной тюрьмы-крепости, – пишет Жорж Блон в своей „Истории флибустьерства“. – Там было сорок два номера „люкс“, сказали бы мы, пользуясь нынешней гостиничной терминологией, и жили в них исключительно титулованные особы. С собственной мебелью (если они изъявляли желание) и собственными слугами. Завтраки, обеды и ужины заказывались в изысканных ресторациях, откуда блюда доставляли прямо в камеру. Словом, заточение в Бастилию не имело ничего общего с пребыванием в современных пенитенциарных заведениях, за исключением самого главного и всегда самого тяжкого – лишения свободы. При этом „обастиленные“ никогда не знали, сколько времени они проведут в золотой клетке».

17 апреля 1664 года Государственный совет Франции принял решение о выкупе у частных лиц принадлежавших им островов, «дабы передать их в руки могущественной компании, которая могла бы вооружить и снарядить много кораблей для перевозки в те края колонистов и доставки туда всех нужных товаров». 28 мая того же года была официально учреждена Французская Вест-Индская компания, которая получила сроком на сорок лет право монопольной торговли со всеми французскими владениями в Америке и Западной Африкой.

Утром 15 ноября 1664 года губернатор Тортуги был извлечен из застенков Бастилии и в присутствии королевского нотариуса «добровольно» согласился подписать договор о продаже своего антильского владения Французской Вест-Индской компании. Ниже приводится полный текст этого документа:

«Продажа острова Тортуга сьёром Дешаном, сьёром дю Россе, Вест-Индской компании.

От 15 ноября 1664 года.

В присутствии нижеподписавшихся нотариусов короля, нашего сира в его Парижском замке; настоящим собственной персоной Иеремия Дешан, сьёр дю Россе, королевский губернатор и генерал-лейтенант острова Тортуга, расположенного в Америке, завоеванного названным сьёром дю Россе и на каковой Его Величество даровал ему патент в году тысяча шестьсот пятьдесят седьмом (в действительности, в 1656 году. – В.Г.), обычно проживающий на названном острове, а ныне находящийся в качестве заключенного в замке Бастилия, доставленный и выпущенный на свободу, чтобы сделать и осуществить то, о чем речь далее, сим настоящим документом продает, уступает, избавляется, передает и оставляет полностью, раз и навсегда, Вест-Индской компании, принимаемое мессиром Луи Бешамелем, советником короля в его Советах, секретарем Государственного Совета и управления его финансов; сьёром Жаком Бибо, парижским буржуа; знатными людьми Франсуа Бертело,

советником-комиссаром по пороху и селитре Франции; Франсуа Жакье, советником короля, дома, короны Франции и его финансов – из старой Коллегии; Пьером Далибера, советником короля, секретарем финансов монсеньора герцога Орлеанского; м. Жобером Уэлем, шевалье Ордена Святого Иоанна Иерусалимского, маркизом де Сент-Мари; сьёром Робером Поклэном-сыном, купцом, парижским буржуа; и знатным человеком Клодом Тома, советником короля, генеральным сборщиком его налогов в Нормандии; генеральными директорами названной Вест-Индской компании, посредством данного документа, и принимаются в пользу названной Компании, о чем следует знать всем и каждому, права… которые он имеет и на которые может претендовать…; собственность и управление островом Тортуга, расположенным в Америке; форты, жилища, обработанные или целинные земли, леса и прочее недвижимое имущество, принадлежащие ему на вышеназванном острове; также названный сьёр дю Россе продает, уступает и передает названной Компании… все оружие, пушки, военное снаряжение и провиант, провизию, движимое имущество, животных и вообще всё то, что он имеет или может иметь на названном острове, службы и подсобные помещения, без какого-либо сохранения или удержания, волеизъявляя и соглашаясь, чтобы все это названная Компания могла взять во владение…; эта продажа, уступка, передача и отдача имущества осуществляется… за вознаграждение и сумму в пятнадцать тысяч ливров, на каковые названный сьёр дю Россе согласился и получил от м. Николя Ле Мерсье, генерального кассира названной Компании, по распоряжению названных сеньоров директоров, стоящих перед нотариусом, сумму в тысячу ливров в виде золотых и серебряных луидоров[43] и монет, находящихся в обращении, каковые ему выделили и выплатили названная Компания, названный сьёр Ле Мерсье и все прочие; а что касается оставшихся четырнадцати тысяч ливров, то названные сеньоры директора… взяли обязательство заплатить их названному сьёру дю Россе в этом городе Париже через три месяца после того, как Бертран д'Ожерон, оруженосец, сьёр де ла Буэр, предъявитель ордера названной Компании, возьмет во владение форт этого острова…; кроме указанной суммы в пятнадцать тысяч ливров, упомянутой выше, названные сеньоры директора обещают заплатить названному сьеру дю Россе сумму в тысячу ливров для удовлетворения сьёра Фредерика Дешана, племянника названного сьёра дю Россе, командующего от его имени названным островом, каковые также будут уплачены в указанные три месяца после упомянутого взятия владения… Составлено и передано названным сьёром дю Россе в упомянутом замке Бастилия и названными сеньорами директорами в Бюро дирекции в год тысяча шестьсот шестьдесят четвертый, в пятнадцатый день ноября, перед полуднем, и тут же подписано присутствующими, находящимися возле Бодри, одного из нижеподписавшихся нотариусов.

[Подписи:] *Лебрюф* и *Бодри*».

Сохранилась также расписка, подписанная сьёром дю Россе 6 мая 1667 года:

«Названный Иеремия Дешан, сьёр дю Россе, упомянутый в вышенаписанном контракте, находясь в Париже, проживающий на улице Сен-Антуан, в доме сьёра Дана, торговца-аптекаря, приход Сен-Поль, настоящим извещает и признает обладание и получение от Вест-Индской компании, из рук сьёра Ле Мерсье, генерального кассира названной Компании, суммы в 9860 ливров из остатка и итоговой выплаты в 14000 ливров, с одной стороны, которые оставалось выплатить ему из 15000 ливров вознаграждения…, и 2000 ливров, с другой стороны, обещанных оными для удовлетворения сьёра Фредерика Дешана… Сделано и передано в Париже, в Бюро названной Компании, в монастыре Сен-Медерик, в год

[43] *Луидор* – французская монета, впервые выпущенная в 1640 году. Луидор чеканился из золота 917-й пробы, вес монеты составлял 6,751 г, диаметр – 26 мм.

1667-й, в шестой день мая после полудня; и названная расписка, являющаяся продолжением вышенаписанного контракта, тут же подписана. Всё хранится у Бодри, нотариуса».

Дальнейшая судьба сьёра дю Россе покрыта завесой тайны. Некоторые исследователи полагают, что он решил вернуться на Эспаньолу, где и умер около 1670 года в доме Бертрана д'Ожерона.

Глава 18. Набег на Сантьяго-де-Кубу

Начало 60-х годов XVII века было отмечено первыми крупными походами флибустьеров Вест-Индии на укрепленные испанские города, находившиеся как на островах, так и на материке. При этом английские корсары с Ямайки и французские флибустьеры с Тортуги и Эспаньолы стали заранее договариваться об объединении своих отрядов, понимая, что небольшие пиратские шайки не в состоянии штурмовать сильные испанские крепости. Один из таких крупных совместных походов произошел осенью 1662 года. В качестве объекта нападения был выбран портовый город Сантьяго-де-Куба.

Эксквемелин, описывая Кубу, отмечал: «На острове много прекрасных рек, есть хорошие гавани – Сантьяго, Баямо, Санта-Мария и Санто-Эспириту, Тринидад, Ягуада [Хагуа], Коррьенте. Эти гавани лежат на южном берегу; на северном же берегу расположены гавани Гавана, Пуэрто-Мариана, Санта-Крус, Мата-Рикос и Баракоа. На острове две столицы. Одна расположена на южном берегу – это город Сантьяго, и подчиняется ему добрая половина острова. Там находится резиденция губернатора и епископа. Им подчиняются следующие города и поселения: на южном берегу – Санто-Эспириту, Пуэрто-дель-Принсипе и Баямо, на северном – Баракоа и Вилья-де-лос-Кайос. Наиболее оживленную торговлю купцы Сантьяго ведут с Канарскими островами; они везут туда сахар, табак и древесину – все, что получает округа, которая тяготеет к Сантьяго. Этот город был однажды ограблен пиратами с Ямайки и Тортуги; в нем имеется крепость».

Бухта Сантьяго-де-Куба на голландской карте XVII века.

План нападения на Сантьяго-де-Кубу был разработан на Ямайке, английские колониальные власти которой постоянно опасались испанского вторжения с Кубы. Французские флибустьеры были приглашены к участию в этой акции в качестве вспомогательной силы.

Подготовка к походу проходила в гавани Пойнт-Кагуэй (будущий Порт-Ройял). 20 августа 1662 года Совет Ямайки, заседавший под председательством губернатора острова лорда Виндзора, принял решение начать военные действия против испанских колоний с целью принудить их к свободной торговле с подданными британской короны. Командиром экспедиции был назначен Кристофер Мингс, капитан королевского фрегата «Центурион» (Сатурнино Ульиварри в книге «Пираты и корсары на Кубе» ошибочно называет руководителем данной экспедиции Генри Моргана).

12 сентября Совет Ямайки издал специальное постановление, «чтобы люди поступали на службу для морского предприятия с „Центурионом“ и другими судами». При этом подчеркивалось, что в состав экспедиции не должны зачисляться «сервенты и лица, которые продали или покинули свои плантации». Данное примечание вполне определенно указывает на то, что, помимо моряков и солдат, постоянным источником пополнения флибустьерских команд на Ямайке были кабальные слуги и разорившиеся фермеры. Аналогичная тенденция наблюдалась и во французских поселениях на Тортуге и Сен-Доменге.

Экспедиция насчитывала 11 кораблей с 1300 людьми на борту. Заместителями Мингса были утверждены капитан Томас Морган, командовавший волонтерами, и голландский капитан Адриан ван Димен по прозвищу Сварт, командовавший флибустьерами Ямайки и Тортуги.

Документы того времени позволяют определить примерный список капитанов, задействованных в предприятии Мингса. В их числе могли находиться Роберт Сирл (судно «Байам»), Якоб Факман (судно «Кагуэй»), Уильям Гудлад (судно «Блэссинг»), Джордж Бримекэн (судно «Форчен»), Джон Булл (судно «Джон энд Мэри»), Джон Пёрдью (судно «Пёрдью») и Авраам Митчелл (судно «Блэссинг»). Все они получили каперские свидетельства незадолго до отплытия ямайской флотилии к берегам Кубы. Мингс держал свой флаг на «Центурионе». Фрегатом «Гриффин» командовал Адриан ван Димен Сварт.

Весьма вероятным представляется также участие в кубинском предприятии капитанов Давида Маартена[44] (судно «Чэрити»), Ричарда Гая (судно «Американ»), Уильяма Джеймса (судно «Сифэр»), Мориса Уильямса (судно «Хоупвел эдвенчер»), Джона Харменсона (судно «Сент-Джон»), Никола Риу (судно «Ла Фортюн»), Роберта Джордана (судно «Энтони») и некоего г-на Янсзоона (судно «Баракоа») (они получили каперские грамоты позже – уже после возвращения ямайской флотилии в Пойнт-Кагуэй).

21 сентября Мингс с частью флотилии покинул Пойнт-Кагуэй. Обогнув западную оконечность Ямайки – мыс Негрил, он отправился на рандеву с сэром Томасом Уэтстоном и семью другими корсарами, поджидавшими его к востоку от Сантьяго-де-Кубы. 23 сентября на совете, состоявшемся на борту «Центуриона», было решено взять город фронтальной атакой, ворвавшись в порт и захватив неприятеля врасплох.

[44] Голландец Давид Маартен обычно базировался на Тортуге, но часто действовал в союзе с флибустьерами Ямайки.

Кристофер Мингс на гравюре 60-х годов XVII века.

5 октября, в четыре часа пополудни, английские и французские флибустьеры приблизились к входу в гавань Сантьяго, однако ветер с суши не позволил им проникнуть в нее, и Мингс приказал отойти на две мили в наветренную сторону, к устью речушки Агуадорес. Вечером с кораблей началась высадка десанта из примерно тысячи человек. Идти к городу пришлось через лес по узкой каменистой тропе, освещая себе путь с помощью факелов. На рассвете отряд вышел на равнину Лас-Лагунас, находившуюся в шести милях от места высадки и в трех милях от города.

Губернатор города дон Педро де Моралес лично возглавил 170 солдат гарнизона и несколько десятков ополченцев, укрывшихся на холме Санта-Ана с двумя пушками; еще примерно пятьсот человек находились в резерве под командованием дона Кристобаля де Саси, бывшего испанского губернатора Ямайки. Однако корсары легко сломили сопротивление плохо вооруженных защитников города. Преследуя их, они ворвались в Сантьяго и овладели им. На следующее утро пятьсот человек были отправлены прочесывать окрестности, а сотня моряков вернулась на корабли с приказом войти в гавань и обстрелять крепость Сан-Педро-де-ла-Рока, в просторечье именовавшуюся Эль-Морро. Испанский гарнизон, насчитывавший лишь три десятка деморализованных солдат, не стал удерживать ее.

В крепости и на платформе было захвачено 34 пушки и 1000 бочек пороха. Часть медных пушек корсары перетащили на свои корабли, а прочие сбросили с бастионов в море. Грабеж города продолжался до 19 октября, но не принес большой добычи – основные ценности (включая 25 тыс. песо королевских сокровищ) губернатор и жители успели вывезти в деревню Каней и иные населенные пункты провинции еще до взятия Сантьяго. Обескураженные налетчики использовали семьсот трофейных бочек пороха для подрыва крепости, кафедрального собора и прилегавших к ним домов, после чего покинули Сантьяго-де-Куба.

В этой экспедиции погибло шесть корсаров; еще двадцать человек умерли вследствие болезней и несчастных случаев. Материальные потери испанцев составили 1 млн. ф. ст. Помимо серебра и вина, а также двухсот ящиков сахара и табака, захваченных

в двух окрестных *инхеньо*[45], люди Мингса увели с собой много негров-рабов и семь испанских судов.

21 октября в Порт-Ройял прибыла барка с известием об успешном грабеже Сантьяго-де-Куба, а на следующий день туда пришла почти вся флотилия. 24 октября на заседании Совета острова было принято решение об отправке всех испанских пленных «в Испанию через Англию при первой же возможности» и зачитано официальное разрешение короля лорду Виндзору покинуть Ямайку. 28 октября сэр Чарлз Литтлтон, «подходящее и достойное лицо», был объявлен исполняющим обязанности губернатора.

29 октября состоялось заседание адмиралтейского суда под председательством Уильяма Мичелла. Изучив показания свидетелей, суд признал все захваченные у испанцев корабли и барки «законными призами». Лорд Виндзор, получив свою долю добычи, тут же отбыл в Англию; управление Ямайкой перешло к вице-губернатору Литтлтону – «к большому удовольствию жителей».

Официальный Лондон, хотя и получил свою долю пиратской добычи, открыто не признал законность антииспанских акций в Вест-Индии. В апреле 1663 года король Карл II Стюарт заверил испанское правительство, что он «крайне недоволен» набегом флибустьеров на Сантьяго-де-Кубу. Одновременно были посланы письма на Ямайку с приказом воздержаться от новых набегов на испанцев.

У нас нет достоверных сведений о том, какой была дальнейшая судьба участвовавших в походе французских флибустьеров. Очевидно, часть из них вернулась на Тортугу и Эспаньолу, но часть, безусловно, задержалась на Ямайке и через некоторое время приняла участие в экспедиции Кристофера Мингса против мексиканского города Кампече (1663).

[45] *Инхеньо* – предприятие по переработке сахарного тростника.

Глава 19. Попытка захвата Тортуги англичанами

В начале 1663 года англичане предприняли последнюю вооруженную попытку захватить Тортугу. Предыстория этой провальной авантюры такова.

19 февраля 1662 года лорд Виндзор, объявленный губернатором Ямайки, получил от короля Карла II приказ отобрать у сьёра дю Россе Тортугу. Учитывая, что Тортуга «имеет важное значение для обеспечения безопасности Ямайки, ибо она может прерывать любую связь между Англией и Наветренными островами», король потребовал, «чтобы лорд Виндзор приложил максимум усилий для приведения упомянутого француза (сьёра дю Россе. – В.Г.) и упомянутого острова к повиновению».

5 сентября того же года Совет Ямайки, заседавший в Пойнт-Кагуэе, принял решение о том, «чтобы остров Тортуга был приведен под английское управление и чтобы двое или более лиц из Совета сообщили, что необходимо для заселения этого владения и лучшей безопасности Ямайки». Однако выполнить данное решение в период губернаторства лорда Виндзора не удалось, поскольку все морские силы Ямайки были задействованы в экспедиции Мингса против Сантьяго-де-Кубы (к тому же французские флибустьеры с Тортуги выступали в этой акции союзниками англичан).

11 декабря, когда сменивший Виндзора вице-губернатор Чарлз Литтлтон и Совет Ямайки приняли решение об организации экспедиции против Кампече, полковнику Сэмюэлу Бэрри были переданы инструкции по захвату Тортуги; 16 декабря упомянутый вице-губернатор подписал специальную прокламацию, в которой Роберту Мандену, капитану фрегата «Чарлз», предписывалось доставить на Тортугу экспедиционные части под командованием полковника Бэрри и капитана Абрахама Лэнгфорда.

Из документов, хранящихся в британских архивах, известно, что «Чарлз» был вооружен с приватирскими целями лондонскими купцами и прибыл на Ямайку в 1662 году. Незадолго до своего отплытия из Пойнт-Кагуэя губернатор Виндзор успел выдать капитану Мандену репрессальное свидетельство для нападений на испанцев. Упомянутый выше Сэмюэл Бэрри в 1654—1655 годах служил майором в полку генерал-майора Джеймса Хинса, который, в свою очередь, входил в состав экспедиционного корпуса генерала Венейблса. После английского завоевания Ямайки Бэрри получил повышение – стал подполковником того же полка, переданного под командование генерала Фортескью, а спустя несколько лет ему было присвоено звание полковника. Став крупным землевладельцем, он с 1661 года являлся членом Совета Ямайки и с июля того же года исполнял также обязанности судьи. В 1662 году под его командование был передан один из пяти милицейских полков острова.

О капитане Лэнгфорде сведений почти не сохранилось. В 1659 году он приобрел участок земли в Пойнт-Кагуэе и значился флотским офицером, занимавшимся инспекцией кораблей. В августе 1661 года Совет Ямайки упоминал о нем как о зачинщике мятежа солдат, «во время которого [лейтенант] Моррис был ранен, защищая губернатора [Д'Ойли], и был ограблен исключительно по вине упомянутого Лэнгфорда». В петиции лейтенанта Морриса Лэнгфорд назван «предателем»; впрочем, последний отплатил петиционеру той же монетой, подав на него иск в суд и обвинив его «в том же самом».

Поход англичан против Тортуги завершился полным фиаско. Причиной тому была ссора между полковником Бэрри и капитаном Манденом. Французский шпион Клеман де Плэнвиль, сопровождавший полковника в качестве «сержант-майора» и главного консультанта, позже писал, что «экспедиция провалилась из-за измены».

По данным ямайского полковника Уильяма Бистона, Бэрри, достигнув Тортуги 30 января 1663 года, обнаружил ее хорошо укрепленной, а французов – готовыми дать неприятелю отпор. Тем не менее, он велел Мандену открыть огонь по береговым фортификациям.

Капитан «Чарлза» отказался выполнить этот приказ, ушел к побережью Эспаньолы и, высадив Бэрри, Лэнгфорда и всех солдат на берег в Коридоне, начал крейсировать в Карибском море против испанцев. Тем временем Лэнгфорд, отделившись от отряда Бэрри, перебрался в залив Харагуа, в укромную гавань Пти-Гоав. 16 мая он писал оттуда де Плэнвилю, что местные буканьеры и пираты избрали его «губернатором этого места», а также что «жители Тортуги весьма сильны и… полны решимости продать свою жизнь самой дорогой ценой».

8 июня того же года де Плэнвиль доносил английскому правительству, что «после неудачи предприятия на Тортуге капитан Лэнгфорд был избран жителями губернатором Литл-Гоава [Пти-Гоава] на Эспаньоле и поднял первый английский королевский штандарт на том острове».

В конце 1664 года Лэнгфорд покинул Пти-Гоав и отправился в Англию, где тщетно ходатайствовал о выдаче ему патента на управление Тортугой и предоставлении ему необходимых сил для захвата указанного острова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.